ЭДУАРД СЕРОУСОВ
МЕРТВАЯ ЗОНА

Эдуард Сероусов

Мертвая зона

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Мертвая зона / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В далеком будущем астрофизик Алекс Нагорный обнаруживает за орбитой Нептуна аномальную область пространства, не пропускающую никаких сигналов и постепенно расширяющуюся. Она получает название "Мертвая зона". Для исследования феномена создается уникальный корабль "Дедал" с механическими системами управления, способными функционировать в условиях аномалии. Экспедиция, в которой Алекс становится ключевой фигурой, сталкивается с необъяснимыми явлениями, следами инопланетных цивилизаций и растущим конфликтом между научным и военным подходами к пониманию зоны, которая оказывается чем-то гораздо большим, чем просто аномалией.

© Сероусов Э., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 5: Отправление 41
Часть II: Погружение 55
Глава 6: Граница 55
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Эдуард Сероусов
Мертвая зона

Часть I: Предвестники

Глава 1: Сигнал

Сигнал пришёл в 3:47 по стандартному марсианскому времени.

Алекс Нагорный едва не пропустил его. Третью ночь подряд он оставался в обсерватории после окончания официальной смены, когда большинство сотрудников исследовательского комплекса "Арес" либо возвращались в жилые модули, либо переключались на административную работу. Эти часы одиночества среди холодной геометрии телескопов и датчиков стали для него своеобразным ритуалом – единственным временем, когда он мог по-настоящему думать.

Глубокий космос за орбитой Нептуна не входил в зону его официальных исследовательских интересов. Комплекс "Арес" создавался как часть программы изучения планет Солнечной системы и их спутников с марсианской базы, получавшей куда более чёткие данные, чем устаревшие земные обсерватории. Однако Алекс, используя недавно обновлённый радиотелескоп "Ломоносов-3", разработал собственный алгоритм для сканирования дальних регионов космоса в поисках любых необычных паттернов электромагнитного излучения. Просто потому, что мог. Потому что иногда спасение приходит в том, чтобы смотреть туда, куда никто больше не смотрит.

На экране возникло оповещение. Алекс потянулся к кружке с давно остывшим кофе, машинально сделал глоток и поморщился. Спустя несколько секунд он замер, пристально вглядываясь в появившиеся на экране данные. Прямоугольник в правом нижнем углу монитора мигал красным – алгоритм обнаружил аномалию.

– Что за чертовщина? – пробормотал Алекс, разворачивая окно на весь экран.

Данные показывали странную сферическую область пространства за орбитой Нептуна, диаметром около трёхсот километров, которая не пропускала никаких электромагнитных сигналов. Абсолютно никаких – от радиоволн до гамма-излучения. Космическая пустота всегда полна излучения различного происхождения, от отдалённых звёзд до фонового космического излучения. Но эта область представляла собой… пустоту. Как будто кто-то вырезал идеальную сферу из ткани реальности.

Алекс провёл рукой по седеющим вискам, чувствуя, как учащается пульс. Естественной причиной такого явления могла быть только чёрная дыра, но тогда вокруг неё наблюдался бы характерный аккреционный диск, да и гравитационные эффекты были бы давно замечены. Технический сбой? Он запустил диагностику телескопа, но все системы работали в нормальном режиме.

Аномалия оставалась на месте, неподвижная и невозможная.

Через час тщательной проверки и перепроверки Алекс исключил все возможные технические причины. Феномен был реальным. Он откинулся в кресле, чувствуя знакомое покалывание на затылке – предвестник мигрени, сопровождавшей его с того самого дня, когда…

Нет. Только не сейчас.

Он потянулся к внутреннему карману куртки, висевшей на спинке кресла, нащупал блистер с таблетками. Одним привычным движением выдавил капсулу на ладонь, проглотил без воды. Затем, глубоко вздохнув, активировал протокол оповещения руководства комплекса.

Через семь минут на экране появилось усталое лицо Ирины Ковальской, директора исследовательского комплекса.

– Алекс? – она щурилась, явно только что проснувшись. – Что такого не может подождать до утра?

– Ирина Михайловна, я обнаружил нечто… необычное, – он отправил ей пакет данных. – Это не ошибка оборудования, я проверил трижды.

На экране было видно, как она просматривает информацию, её лицо постепенно меняется. Сонливость сменяется недоверием, затем – напряжённой сосредоточенностью.

– Это может быть чем угодно, – наконец произнесла она. – Облако газа с особыми свойствами, неизвестный космический объект…

– Облако газа не имеет идеальной сферической формы с чётко очерченными границами, – возразил Алекс. – И ни один известный науке газ не блокирует весь спектр излучения одновременно.

Ковальская некоторое время молчала, затем неожиданно спросила:

– Кто-нибудь ещё знает об этом?

– Пока нет. Я сразу связался с вами.

– Хорошо, – она кивнула с явным облегчением. – Я свяжусь с Земным Центром. А ты пока… – она на мгновение замялась, – прекрати наблюдения за этой областью.

– Что? – Алекс был уверен, что ослышался. – Но это потенциально величайшее открытие десятилетия! Мы должны продолжить мониторинг, проверить, не меняются ли параметры объекта, попытаться…

– Это приказ, доктор Нагорный, – её голос стал жёстким. – Закончите наблюдения, заархивируйте данные в закрытом разделе сервера и не обсуждайте это ни с кем. Завтра в 9:00 жду вас в моём кабинете.

Связь прервалась прежде, чем Алекс успел что-либо возразить. Он уставился на экран, не понимая, что только что произошло. За пятнадцать лет научной карьеры, последние семь из которых он провёл на Марсе, ему ни разу не приказывали прекратить исследование. Это противоречило всем принципам научного поиска.

Что-то здесь было не так. Очень не так.

В тишине обсерватории мерно гудели системы охлаждения оборудования. Алекс посмотрел на экран с данными об аномалии. Затем медленно, словно сопротивляясь внутреннему протесту, начал процедуру архивирования. Сохранив все данные в закрытом разделе, он сделал то, чего не делал никогда раньше – создал скрытую копию на своём личном защищённом накопителе.

Покидая обсерваторию, Алекс не мог отделаться от ощущения, что только что столкнулся с чем-то гораздо более серьёзным, чем просто странная космическая аномалия. Что-то в реакции Ковальской зацепило его аналитический ум. Она не была удивлена. Скорее… встревожена.

Следующие три ночи Алекс почти не спал. Вопреки прямому приказу, он продолжал наблюдения, используя менее мощные приборы, доступ к которым не требовал специальной авторизации. Данные были менее точными, но подтверждали существование аномалии. Более того, они показывали нечто тревожное – сфера "пустоты" медленно увеличивалась в размерах.

К утру четвёртого дня, перед встречей с Ковальской, Алекс выглядел измождённым, но его глаза лихорадочно блестели. Он принял душ, надел свежую одежду и проглотил двойную дозу стимуляторов, запрещённых на станции, но доступных через неофициальные каналы. Перед выходом он взглянул на фотографию в рамке, стоящую на прикроватной тумбочке – улыбающаяся молодая женщина с темными волосами, собранными в небрежный пучок, обнимала девочку лет восьми, так похожую на мать, с теми же выразительными зелёными глазами. Дженнифер и Эмили. Его жена и дочь. Бывшие центром его вселенной, пока десять лет назад эта вселенная не рухнула.

Алекс отвёл взгляд, чувствуя знакомую тянущую боль в груди. Воспоминания о той катастрофе всегда лежали близко к поверхности, но сейчас было не время для них. Сейчас нужно было сосредоточиться.

Коридоры исследовательского комплекса "Арес" в утренние часы были заполнены сотрудниками, спешащими на работу. Алекс кивал знакомым, машинально отвечал на приветствия, но его мысли были далеко.

Кабинет Ковальской располагался в административном секторе, с большим панорамным окном, выходящим на марсианскую пустыню. Над горизонтом висело бледное солнце, казавшееся на треть меньше, чем с Земли. Пейзаж за окном был величественным и безжизненным – красно-оранжевые пески, уходящие к далёким скалам, испещрённым древними шрамами эрозии.

Ирина не была одна. Рядом с ней сидел высокий мужчина в тёмно-синей военной форме без знаков различия. Только небольшая эмблема на воротнике указывала на его принадлежность к Объединённому Космическому Командованию – организации, подчинявшейся напрямую Совету Безопасности ООН.

– Доктор Нагорный, – кивнула Ковальская, жестом предлагая ему сесть. – Знакомьтесь, это генерал Северов, прибыл с Земли сегодня ночью.

Алекс оценивающе посмотрел на военного. Северову было около шестидесяти, но выглядел он моложе. Коротко стриженные седые волосы, острые черты лица, прямая спина. Глаза – серые, холодные, оценивающие.

– Виктор Андреевич, – представился генерал, не вставая. – Наслышан о вашем открытии, доктор Нагорный.

Алекс почувствовал холодок вдоль позвоночника. Северов не мог прибыть с Земли за такое короткое время, даже используя самые быстрые военные шаттлы. Значит, он либо уже был на Марсе, либо…

– Вы знали об аномалии ещё до моего доклада, – это был не вопрос, а утверждение.

Генерал обменялся быстрым взглядом с Ковальской, затем слегка улыбнулся. Улыбка не затронула глаз.

– Присаживайтесь, доктор. У нас серьёзный разговор.

Алекс сел в кресло напротив, поставив рюкзак с личными вещами на пол рядом с собой.

– Вы продолжали наблюдения вопреки приказу, – начала Ковальская. Это снова было утверждение, не вопрос.

– Вы отслеживали мои действия? – Алекс не стал отрицать очевидное.

– Конечно, – теперь заговорил Северов. – Но не беспокойтесь, мы не собираемся вас наказывать. Напротив, ваше… усердие только подтверждает, что мы сделали правильный выбор.

– Выбор? – Алекс перевёл взгляд с генерала на Ковальскую и обратно. – О чём вы говорите?

Северов достал из внутреннего кармана маленькое устройство размером с зажигалку, положил на стол и нажал кнопку. Раздался тихий свист, перешедший в едва слышное гудение.

– Теперь нас никто не подслушает, – пояснил генерал. – То, что я сейчас скажу, имеет высший уровень секретности. Вы подпадаете под действие Акта о государственной безопасности и защите информации. Разглашение будет считаться государственной изменой. Вам ясно?

Алекс кивнул, чувствуя, как усиливается головная боль.

– Аномалия, которую вы обнаружили, существует уже почти год. Мы называем её "Мёртвая зона". Она действительно расширяется. И она возникла в результате… эксперимента.

– Какого эксперимента? – спросил Алекс, хотя внутренний голос уже шептал ответ.

– Исследовательская станция "Прометей" в окрестностях Нептуна, – ответил Северов. – Сверхсекретный проект по созданию новой технологии сверхсветовой коммуникации. Что-то пошло не так. Мы потеряли связь со станцией. А затем появилась… она.

Ирина Ковальская выглядела бледной и напряжённой. Алекс вдруг понял, что она боится. Не генерала, не последствий разглашения. Она боялась самой "Мёртвой зоны".

– Почему вы скрываете это? – спросил Алекс. – Если существует реальная угроза…

– Паника, – отрезал Северов. – Представьте заголовки: "Тайный эксперимент учёных создал космическую аномалию, угрожающую Солнечной системе". Как думаете, какова будет реакция?

– Но если зона расширяется…

– Именно поэтому я здесь, – перебил генерал. – Мы собираем команду для исследовательской миссии. Лучших специалистов. И нам нужны вы.

Алекс замер, не веря своим ушам.

– Я? Но я астрофизик, а не…

– У вас уникальный опыт, – снова прервал его Северов. – До научной карьеры вы служили пилотом в космических войсках, имеете опыт работы с механическими системами навигации. Кроме того… – генерал замялся, впервые проявив некоторую неуверенность, – ваш опыт с проектом "Икар" может оказаться бесценным.

Алекс почувствовал, как кровь отливает от лица. Проект "Икар". Эксперименты с квантовой коммуникацией. Катастрофа на исследовательской станции "Гагарин-5" на лунной орбите. Дженнифер и Эмили были там в тот день… с группой других семей сотрудников. Экскурсия, которую он сам для них организовал. Экскурсия, с которой никто не вернулся.

– Вы хотите сказать… – голос Алекса дрогнул, – что "Прометей" был продолжением "Икара"? Вы продолжили те же эксперименты после… после того, что случилось?

Северов не ответил, но его взгляд был достаточно красноречив.

Ярость, глухая и тяжёлая, поднялась откуда-то из глубины. Алекс почувствовал, как дрожат руки. Он не мог говорить, боясь, что сорвётся.

– Александр, – мягко сказала Ковальская, впервые назвав его по имени, – я понимаю ваши чувства. Но сейчас речь идёт о гораздо большем. Если "Мёртвая зона" продолжит расширяться в том же темпе, через три года она достигнет орбиты Урана. Через семь – Сатурна. Мы не знаем, что произойдёт, когда она дойдёт до обитаемых миров.

Северов наклонился вперёд, глядя Алексу прямо в глаза.

– Да, мы совершили ошибку. Возможно, непростительную. Но сейчас нам нужны люди, которые понимают, с чем мы имеем дело. Люди, которые знают, какова цена неудачи.

Алекс закрыл глаза. Перед внутренним взором снова возникло лицо Дженнифер, её последнее сообщение перед тем, как связь оборвалась. "Что-то странное происходит со светом, Алекс. Он как будто… замерзает."

Когда он открыл глаза, решение было принято.

– Я хочу знать всё, – произнёс он тихо. – Абсолютно всё о "Прометее" и том, что вы пытались там сделать. И я хочу полный доступ к данным о "Мёртвой зоне".

– Вы получите допуск, – кивнул Северов. – И примете участие в экспедиции?

– Да, – ответил Алекс после паузы. – Но не из-за вас. И не для вас.

Он посмотрел в окно, на холодную марсианскую пустыню. Где-то там, в глубоком космосе, таилась аномалия, которая могла быть связана со смертью его семьи. Аномалия, которая теперь угрожала всему человечеству.

Мёртвая зона ждала.

Четыре часа спустя Алекс сидел в пустой лаборатории, отведённой для проекта, который официально назывался "Глубокое зондирование" – абсурдно банальное название для миссии такого масштаба. Перед ним лежала стопка документов с грифом "Совершенно секретно".

Доступ к электронным копиям был возможен только через специальный терминал с биометрической защитой.

Он методично просматривал материалы, делая заметки в блокноте – старомодная привычка, которая вызывала насмешки у молодых коллег, но которую он находил полезной для структурирования мыслей. Голова гудела от количества новой информации.

"Прометей" действительно был продолжением проекта "Икар", но с гораздо более амбициозными целями. Если "Икар" исследовал возможности квантовой связи и телепортации небольших объектов, то "Прометей" замахнулся на создание "квантового туннеля" – искусственного "прокола" в ткани пространства-времени, своего рода червоточины для мгновенной передачи информации и материи на любые расстояния.

Теоретическая база была впечатляющей. Алекс, несмотря на свою неприязнь к проекту, не мог не восхититься элегантностью некоторых решений. Группа физиков под руководством доктора Анны Верховой, использовала принципиально новый подход к манипулированию квантовым вакуумом, основанный на явлении, которое они назвали "резонансной флуктуацией".

Однако всё пошло не по плану. Последние сообщения со станции "Прометей" свидетельствовали о "нестабильности параметров" и "непрогнозируемом поведении системы". Затем связь прервалась. Когда через две недели к станции прибыл военный корабль, он обнаружил лишь пустое пространство – ни обломков, ни следов взрыва. Станция просто… исчезла. А на её месте была обнаружена сферическая область пространства с необычными свойствами – область, не пропускающая никакие виды излучения и, как выяснилось позже, расширяющаяся со скоростью примерно один километр в неделю.

Алекс отложил документы и потёр уставшие глаза. История "Прометея" слишком напоминала катастрофу на "Гагарине-5". Те же теории, те же амбиции, те же ошибки. И, возможно, те же последствия, только в гораздо большем масштабе.

Дверь лаборатории открылась. Вошла женщина средних лет в форме Космического Командования. Тёмные волосы собраны в строгий пучок, лицо с правильными, но строгими чертами. На бейдже значилось: "Майор Е. Сорокина".

– Доктор Нагорный? – она протянула руку для пожатия. – Елена Сорокина, ксенобиолог. Я присоединяюсь к проекту "Глубокое зондирование".

Алекс пожал её руку. Рукопожатие было крепким и уверенным.

– Ксенобиолог? – он поднял бровь. – Интересный выбор специалиста для изучения физической аномалии.

Елена слегка улыбнулась.

– Генерал Северов не рассказал вам полную картину, верно? – она огляделась и, понизив голос, добавила: – "Мёртвая зона" проявляет признаки, которые некоторые интерпретируют как… разумное поведение.

– Что? – Алекс уставился на неё. – Это невозможно. Аномалия – это результат физического эксперимента, сбоя в…

– Я изучила все данные, – перебила Елена. – Характер расширения не постоянный. Были периоды ускорения и замедления. И более того, – она наклонилась ближе, – зона как будто… реагирует на наши попытки исследовать её. Последний зонд, который мы отправили, вызвал локальное искажение её формы. Как будто она… потянулась к нему.

Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если это правда, то они имеют дело с чем-то гораздо более странным, чем просто искажение пространства-времени.

– Есть ещё кое-что, о чём вам следует знать, – продолжила Елена. – Перед тем, как связь с "Прометеем" прервалась, они отправили последнее сообщение. Всего одну фразу. Она была зашифрована и расшифрована только три месяца назад.

– И что там было? – спросил Алекс, чувствуя, как учащается пульс.

Елена посмотрела ему прямо в глаза.

– "Она наблюдает за нами".

Тишина, наступившая после этих слов, казалась осязаемой. Алекс хотел возразить, сказать, что это бессмыслица, паранойя учёных перед лицом катастрофы. Но затем вспомнил последние слова Дженнифер про "замерзающий свет". И внезапно понял, что верит.

– Когда начинается экспедиция? – спросил он тихо.

– Через три недели, – ответила Елена. – Корабль уже готов. Специальный проект – "Дедал". Построен с учётом… особенностей "Мёртвой зоны".

– Что за особенности?

– Электроника не работает внутри зоны. Совсем. Никакие электрические системы. Поэтому "Дедал" – это нечто среднее между современным космическим кораблём и подводной лодкой 20-го века. Механические системы, гидравлика, оптические приборы.

Алекс покачал головой, пытаясь осмыслить масштаб проекта.

– И куда именно мы направляемся?

Елена помедлила перед ответом.

– В центр "Мёртвой зоны". Мы должны понять, что это такое. И найти способ остановить её расширение. Если это вообще возможно.

Последние слова она произнесла почти шёпотом, и в её голосе Алекс услышал то же, что заметил раньше у Ковальской – страх. Глубокий, иррациональный страх перед чем-то непостижимым.

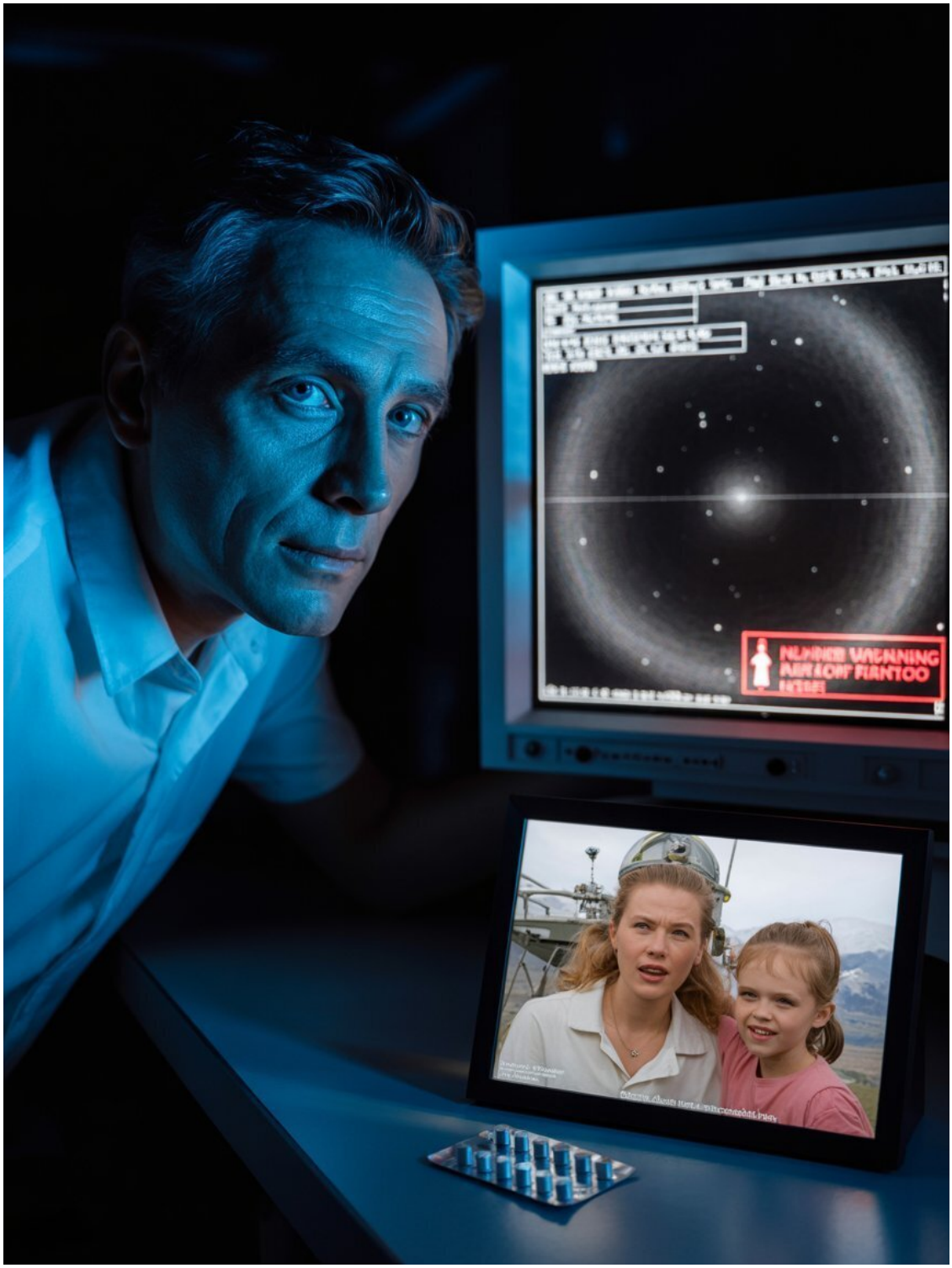
Он понимал это чувство. Слишком хорошо понимал.

В кармане куртки он нащупал маленький предмет, который всегда носил с собой – серебряную заколку для волос в форме бабочки. Последний подарок Эмили перед тем, как он отправил её и Дженнифер на "Гагарин-5".

"Она наблюдает за нами". Чужие слова эхом отдавались в его сознании.

Что, если "Мёртвая зона" действительно была чем-то большим, чем просто физической аномалией? Что, если это был своего рода… ответ?

Эта мысль внезапно показалась ему не такой уж абсурдной. И от этого стало по-настоящему страшно.



Глава 2: Заговор молчания

Следующие дни слились для Алекса в бесконечную череду брифингов, медицинских обследований и тренировок. Каждое утро начиналось с секретного совещания, на котором обсуждались новые данные о "Мёртвой зоне". Каждый вечер заканчивался изучением технических характеристик "Дедала" – корабля, который должен был доставить их к центру аномалии.

Информация поступала строго дозированно, на основе принципа "необходимо знать". Алекс быстро понял, что несмотря на допуск к секретным материалам, многое от него всё ещё скрывают. Особенно настораживали частые упоминания некоего "устройства нейтрализации",

которое должно было быть установлено на корабле, но детали которого оставались засекреченными даже для большинства членов научной группы.

Он попытался расспросить Елену Сорокину, с которой за эти дни установились почти дружеские отношения, но она знала не больше его.

– Военные части проекта засекречены даже от меня, – сказала она во время одного из редких перерывов. – И это меня беспокоит. Мы не можем идти туда вслепую, особенно если "Мёртвая зона" действительно… реагирует на наши действия.

Они сидели в маленьком кафе исследовательского комплекса, в стороне от других посетителей. Елена задумчиво помешивала свой кофе, не глядя на Алекса.

– Есть кое-что ещё, – добавила она тихо. – Я не должна тебе этого говорить, но… ты имеешь право знать. Доктор Анна Верхова присоединяется к экспедиции.

Алекс резко поднял голову.

– Верхова? Руководитель научной группы "Прометея"?

– Именно, – кивнула Елена. – Она единственная, кто действительно понимает, что они сделали там, на границе Солнечной системы. И, возможно, единственная, кто может помочь нам всё исправить.

Алекс почувствовал, как внутри поднимается глухая ярость. Анна Верхова. Женщина, чьи эксперименты могли привести к катастрофе галактического масштаба. Женщина, продолжившая исследования, которые уже однажды привели к трагедии – трагедии, унёсшей жизни Дженнифер и Эмили.

– Когда она прибывает? – спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

– Уже здесь. Генерал держит её в изоляции, – Елена понизила голос ещё сильнее. – Ходят слухи, что после инцидента с "Прометеем" у неё начались… проблемы с психикой. Что она видит вещи, которых нет. Разговаривает сама с собой.

Алекс нахмурился. Если это правда, почему Северов включил нестабильного учёного в состав экспедиции? Но затем он вспомнил выражение лица генерала, когда тот говорил о "Мёртвой зоне". За официальной сдержанностью скрывалось отчаяние. Они цеплялись за любую соломинку.

– Я должен с ней встретиться, – сказал Алекс решительно. – Если она единственная, кто знает правду о том, что произошло…

– Северов не одобрит, – покачала головой Елена. – Он контролирует каждый её шаг. Но… – она слегка улыбнулась, – я могу устроить "случайную" встречу. Через два дня у неё запланировано посещение медицинского центра для очередного обследования. Я узнаю точное время.

Алекс благодарно кивнул. Елена действительно становилась союзником. И в этой ситуации, полной секретов и недомолвок, союзники были необходимы.

Медицинский центр комплекса "Арес" располагался в отдельном модуле, соединённом с основными зданиями длинным стеклянным переходом. Путь через этот переход всегда вызывал у Алекса смешанные чувства – с одной стороны, открывался захватывающий вид на марсианский пейзаж, с другой – прозрачные стены усиливали ощущение уязвимости перед пустынной враждебностью Красной планеты.

Было раннее утро, когда Алекс, следуя полученной от Елены информации, неторопливо шёл по переходу. Ему не пришлось долго ждать. Навстречу двигалась небольшая группа – женщина средних лет в сопровождении двух мужчин в форме службы безопасности.

Доктор Анна Верхова выглядела совсем не так, как представлял её Алекс. Вместо измождённой, нервной особы он увидел спокойную женщину с собранными в строгий пучок каштановыми волосами, в которых пробивалась ранняя седина. Её лицо с высокими скулами и пря-

мым носом казалось вырезанным из камня – такое же бесстрастное и неподвижное. Только глаза – тёмные, глубоко посаженные – выдавали внутреннее напряжение.

Алекс намеренно замедлил шаг, делая вид, что любуется пейзажем. Когда группа поравнялась с ним, он как бы случайно повернулся и встретился взглядом с Верховой.

– Доброе утро, – сказал он вежливо.

Сопровождающие напряглись, но Верхова остановилась сама, глядя на Алекса с внезапным интересом.

– Доктор Нагорный, – произнесла она. Это не был вопрос. Она знала, кто он. – Я слышала, вы присоединяетесь к экспедиции.

– Доктор Верхова, – кивнул Алекс. – Нас не представили официально, но да, я член научной группы проекта "Глубокое зондирование".

– Доктор Верхова, нам нужно идти, – вмешался один из сопровождающих, бросив на Алекса предупреждающий взгляд.

– Минуту, – она подняла руку в успокаивающем жесте. – Вы ведь были связаны с проектом "Икар", не так ли, доктор Нагорный?

Алекс почувствовал, как напряглись мышцы челюсти.

– Да. Был.

– И вы потеряли семью в той катастрофе, – продолжила она, не отводя взгляда. – Мне очень жаль.

– Благодарю, – сухо ответил Алекс. Затем, пользуясь моментом, быстро спросил: – Доктор Верхова, что действительно произошло на "Прометее"?

Выражение её лица неуловимо изменилось. Что-то промелькнуло в глазах – страх? Вина?

– То, что всегда происходит, когда люди заходят слишком далеко, – тихо ответила она. – Мы приоткрыли дверь, не задумываясь о том, что может быть по другую сторону. И теперь это… входит.

– Что входит? – настойчиво спросил Алекс, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Охранники сделали шаг вперёд, явно намереваясь прервать разговор, но Верхова успела ответить:

– Иммунная система вселенной, доктор Нагорный. Мы – инфекция. А "Мёртвая зона" – антитело.

Прежде чем Алекс успел задать следующий вопрос, охранники мягко, но решительно увели Верхову. Она не сопротивлялась, лишь обернулась в последний момент и произнесла:

– Будьте осторожны с генералом, доктор. У него своя миссия. И она не имеет ничего общего с наукой.

Алекс остался один в стеклянном переходе, глядя вслед удаляющейся группе. Слова Верховой эхом отдавались в его сознании. "Иммунная система вселенной". Эта метафора казалась одновременно абсурдной и… пугающе логичной.

Вселенная как живой организм. Космос как сложная самоподдерживающаяся система. Идея не нова – она встречается в различных философских и религиозных традициях, от даосизма до некоторых интерпретаций теории Геи. Но что, если это не просто метафора? Что, если на определённом уровне реальность действительно обладает механизмами саморегуляции?

Вечером того же дня Алекс получил сообщение от Елены: "22:00, обсерватория, малый купол. Важно."

Малый купол обсерватории использовался редко, в основном для образовательных целей. Старое оборудование, не обновлявшееся последние пять лет, представляло сейчас лишь исторический интерес. Алекс прибыл точно в назначенное время и обнаружил, что Елена уже ждёт его.

Она была не одна. Рядом с ней стоял крепко сложенный мужчина лет тридцати пяти, с тёмной кожей и коротко стриженными волосами. Военная выправка выдавала в нём офицера даже без формы.

– Алекс, это майор Дариус Кейн, – представила Елена. – Он будет отвечать за безопасность экспедиции. И он… разделяет наши опасения.

Кейн протянул руку для пожатия. Хватка была сильной, взгляд – прямым и оценивающим.

– Доктор Нагорный, – кивнул он. – Рад познакомиться лично. Наслышан о вашей работе.

– Чем обязан встрече, майор? – Алекс перешёл сразу к делу. – Судя по конспирации, речь о чём-то, что генерал Северов предпочёл бы держать в тайне.

Кейн бросил быстрый взгляд на Елену, затем достал из кармана небольшое устройство, похожее на то, что использовал Северов для защиты от прослушивания. Активировав его, он заговорил:

– Доктор, я служу в специальном подразделении Космического Командования уже двенадцать лет. Я видел вещи, которые заставили бы многих усомниться в здравом рассудке свидетелей. Но то, что происходит с "Мёртвой зоной", выходит за рамки всего моего опыта.

Он сделал паузу, словно подбирая слова.

– Генерал Северов не просто хочет исследовать аномалию. У него есть конкретный план по её… нейтрализации. План, о котором знают только несколько человек из высшего командования.

– Устройство, о котором ходят слухи? – спросил Алекс.

– Да, – кивнул Кейн. – Это не просто исследовательское оборудование. Это оружие. Основанное на той же технологии, что вызвала появление "Мёртвой зоны", но модифицированное для… противодействия.

– Противодействия чему? – Алекс почувствовал, как внутри поднимается тревога. – Мы даже не знаем, что это такое!

– Именно, – вмешалась Елена. – Но Северов убеждён, что "Мёртвая зона" – результат враждебной инопланетной деятельности. Или даже прямое инопланетное вторжение.

– Это безумие, – покачал головой Алекс. – Все данные указывают на то, что аномалия возникла в результате эксперимента на "Прометее". Я разговаривал с Верховой. Она практически призналась в этом.

– Верхова ненадёжный источник, – возразил Кейн. – После инцидента её психическое состояние…

– Что именно с ней произошло? – прервал его Алекс.

Кейн и Елена обменялись взглядами.

– Она единственная, кто вернулся с "Прометея", – тихо сказала Елена. – За неделю до инцидента её отозвали на Землю для доклада руководству проекта. Когда связь со станцией прервалась, она… изменилась. Начала говорить странные вещи. О том, что "Мёртвая зона" разумна. Что она наблюдает за нами, изучает.

– "Она наблюдает за нами", – повторил Алекс слова из последнего сообщения "Прометея". – Вы думаете, это совпадение?

– Я не верю в совпадения такого масштаба, – ответил Кейн. – Но я также не верю в инопланетное вторжение без каких-либо доказательств. Что я знаю наверняка – использование экспериментального оружия против феномена, природу которого мы не понимаем, может привести к катастрофическим последствиям.

– Почему вы говорите это мне? – прямо спросил Алекс. – Чего вы хотите?

– Союзника, – ответил Кейн без обиняков. – Когда мы достигнем "Мёртвой зоны", все важные решения будут приниматься на месте. Северов будет настаивать на активации устройства при первой возможности. Нам нужен кто-то с научным авторитетом, кто сможет противо-

стоять ему, если потребуется. Кто-то, кто будет настаивать на тщательном исследовании перед любыми агрессивными действиями.

– И вы думаете, что я подхожу для этой роли? – Алекс горько усмехнулся. – Человек, потерявший семью из-за подобного эксперимента? Вы не боитесь, что я буду поддерживать любой план, который может уничтожить "Мёртвую зону"?

– Нет, – твёрдо ответила Елена. – Потому что ты, как никто другой, понимаешь цену ошибки. И потому что ты, прежде всего, учёный. Ты не станешь рисковать новой катастрофой ради мести.

Алекс молчал, обдумывая услышанное. Она была права. Несмотря на всю боль и гнев, он не мог позволить эмоциям затуманить рассудок. Не тогда, когда на кону стояло так много.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я с вами. Но мне нужно знать больше об этом "устройстве". Что оно делает? Как работает?

– Это проблема, – признал Кейн. – Доступ к технической документации строго ограничен. Но я работаю над этим. Есть определённые каналы…

Он внезапно замолчал, прислушиваясь. Затем быстро выключил устройство защиты от прослушивания и кивнул в сторону двери.

– Кто-то идёт. Нам лучше разойтись. Продолжим этот разговор позже.

Елена быстро подошла к старому телескопу и сделала вид, что показывает что-то на панели управления. Кейн отошёл в сторону, делая вид, что изучает астрономические карты на стене.

Дверь открылась, и в купол вошёл генерал Северов в сопровождении двух офицеров службы безопасности.

– Вот вы где, – сказал он, окидывая помещение цепким взглядом. – Необычное место для встречи в такой час.

– Я показывала доктору Нагорному старое оборудование, – спокойно ответила Елена. – Некоторые механические системы здесь могут быть полезны для понимания принципов работы "Дедала".

– А майор Кейн? – Северов перевёл взгляд на офицера. – Вы тоже внезапно заинтересовались астрономией?

– Обеспечиваю безопасность, сэр, – ответил Кейн, не моргнув глазом. – Согласно вашему приказу, все научные сотрудники проекта должны находиться под наблюдением.

Северов некоторое время изучал их лица, затем слегка улыбнулся. Улыбка не затронула глаз.

– Конечно. Очень предусмотрительно, майор. – Он повернулся к Алексу. – Доктор Нагорный, у меня для вас новости. Запуск "Дедала" перенесён. Мы отправляемся через пять дней.

– Пять дней? – воскликнула Елена. – Но это же… Подготовка не завершена. Тренировки, симуляции…

– Новые данные показывают ускорение расширения "Мёртвой зоны", – отрезал Северов. – У нас нет времени на длительную подготовку. Все необходимые инструкции вы получите завтра на общем брифинге. А сейчас я бы рекомендовал всем вам отдохнуть. Дни перед стартом будут напряжёнными.

С этими словами он развернулся и вышел, сопровождающие последовали за ним.

Когда дверь закрылась, Елена тихо выругалась.

– Он что-то подозревает, – сказала она. – Иначе зачем ускорять запуск?

– Не обязательно, – возразил Кейн. – Данные действительно показывают ускорение расширения. Это началось три дня назад.

– Почему нам не сообщили? – нахмурился Алекс.

– Информация строго контролируется, – ответил Кейн. – Паника среди команды – последнее, что нужно Северову. Но факт остаётся фактом – "Мёртвая зона" расширяется быстрее. Намного быстрее.

Алекс почувствовал, как сжимается желудок. Если скорость расширения увеличивается, временные прогнозы, которые он видел в документах, больше не актуальны. "Мёртвая зона" может достичь обитаемых миров гораздо раньше.

– Нам нужно больше информации, – твёрдо сказал он. – О самой зоне, об устройстве Северова, обо всём. И времени у нас мало.

– Я попробую получить доступ к последним данным мониторинга, – кивнула Елена. – У меня есть контакты в аналитическом отделе.

– А я продолжу поиски информации об устройстве, – добавил Кейн.

– Хорошо, – сказал Алекс. – А я попытаюсь снова поговорить с Верховой. Она знает больше, чем говорит. Гораздо больше.

Они договорились о способах безопасной коммуникации и разошлись, каждый со своим заданием. Алекс шёл по пустым коридорам комплекса, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Пять дней. Всего пять дней до отправления в неизвестность.

Вернувшись в свою каюту, он не мог заснуть. Слова Верховой не выходили из головы. "Иммунная система вселенной". "Мы – инфекция". Что, если в этой странной метафоре была доля истины?

Он сел за компьютер и начал писать, собирая воедино все доступные данные, все теории, все странности, связанные с "Мёртвой зоной". Документ быстро разрастался, превращаясь в своеобразный дневник расследования. Алекс знал, что рискует, сохраняя такие записи, но чувствовал необходимость структурировать информацию, найти закономерности, упускаемые другими.

Незадолго до рассвета он наконец откинулся в кресле, глядя на последние строки своих заметок:

"Что, если "Мёртвая зона" – не побочный эффект эксперимента, а ответная реакция на него? Что, если вселенная каким-то образом "почувствовала" вторжение в свою структуру и активировала защитные механизмы? И если это так, то что произойдёт, когда мы попытаемся "нейтрализовать" эту реакцию?"

Эти вопросы оставались без ответа. Пока.

Следующие два дня прошли в лихорадочной подготовке. График тренировок и инструктажей был настолько плотным, что у Алекса едва оставалось время для сна, не говоря уже о продолжении расследования. Елена и Кейн были так же заняты, и возможностей для конфиденциального разговора практически не возникало.

На третий день, когда до старта оставалось всего 48 часов, Алекс получил неожиданное сообщение: "Медицинский центр, кабинет B12, 23:30. Приходите один. А.В." Анна Верхова. Она сама искала встречи.

В назначенное время Алекс осторожно продвигался по коридорам медицинского центра. В ночные часы здесь было пусто, только дежурный персонал изредка попадался на пути. Кабинет B12 оказался маленькой лабораторией для анализа образцов крови.

Верхова ждала его внутри. Без сопровождения. Это само по себе было странно – насколько Алекс знал, охрана не отходила от неё ни на шаг.

– Они меняются каждые шесть часов, – словно прочитав его мысли, сказала Верхова. – Между сменами есть пятнадцатиминутное окно. Я использовала его, чтобы прийти сюда. У нас мало времени.

Она выглядела бледной и измождённой, с тёмными кругами под глазами. На левом запястье Алекс заметил медицинский браслет – такие использовались для пациентов с нестабильным психическим состоянием.

– Почему вы хотели меня видеть? – спросил Алекс, закрывая за собой дверь.

– Потому что вы единственный, кто может понять, – ответила она, пристально глядя на него. – Вы потеряли близких в результате похожего эксперимента. Вы знаете, что такие вещи имеют… последствия.

– Что произошло на "Прометее", доктор Верхова? – прямо спросил Алекс. – Что вы на самом деле пытались сделать?

Она глубоко вздохнула, словно собираясь с силами.

– Официально мы разрабатывали технологию квантовых туннелей для мгновенной связи и транспортировки. Но истинная цель была иной. Мы обнаружили… возможность.

– Какую возможность?

– Извлекать энергию из квантового вакуума, – тихо сказала она. – Неограниченное количество энергии. Мы нашли способ… как бы это объяснить… создавать локальное искажение в структуре пространства-времени, где квантовые флуктуации становились макроскопическими. Это позволяло захватывать и конвертировать энергию вакуума в обычную энергию.

Алекс слушал, затаив дыхание. Если она говорила правду, это была технология, способная полностью изменить человеческую цивилизацию. Неограниченная энергия означала конец энергетического кризиса, возможность колонизации далёких планет, решение проблемы ресурсов…

– Но что-то пошло не так, – продолжил он за неё.

– Да, – кивнула Верхова. – Мы создали устойчивое искажение. Оно должно было оставаться стабильным, локализованным. Но через несколько дней начались… аномалии. Искажение стало расширяться. Медленно, почти незаметно сначала. Приборы начали давать странные показания. Компьютерные системы – сбоить. А потом… – она сделала паузу, её взгляд затуманился, – потом мы начали видеть вещи. Слышать голоса. Каждый из нас по-разному, но… это было реально.

– Какие вещи? – напряжённо спросил Алекс.

– Отражения. Тени. Движение там, где ничего не двигалось, – она говорила быстро, лихорадочно. – Иногда мне казалось, что я вижу… существ. Не материальных, скорее… геометрические формы, постоянно меняющие конфигурацию. Они наблюдали за нами. Изучали.

Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок. То, что описывала Верхова, звучало как бред сумасшедшего. Но что-то в её голосе, в её глазах заставляло его верить, что она не лжёт. Она действительно что-то видела.

– Последний эксперимент, – продолжила Верхова, – должен был стабилизировать искажение. Мы попытались… закрыть дверь, которую открыли. Но вместо этого… – её голос дрогнул, – мы только сделали её шире. Я не знаю, что случилось со станцией и экипажем. Меня отозвали на Землю за неделю до этого. Но я чувствую их. До сих пор чувствую. Они не умерли, доктор Нагорный. Они… трансформировались.

– Во что? – еле слышно спросил Алекс.

– В часть "Мёртвой зоны", – ответила Верхова. – В её… сознание.

Наступила тишина. Алекс пытался осмыслить услышанное. Это противоречило всем законам физики, всему, что он знал о вселенной. И всё же… все данные о "Мёртвой зоне" говорили о том, что они столкнулись с чем-то, выходящим за рамки привычных научных парадигм.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил он наконец. – Чего вы хотите от меня?

– Остановите Северова, – Верхова подалась вперёд, её глаза лихорадочно блестели. – Его "устройство нейтрализации" – это модифицированная версия нашего оборудования для

извлечения энергии. Он думает, что сможет схлопнуть "Мёртвую зону", вернув искажение в исходную точку. Но это только усугубит ситуацию.

– Почему?

– Потому что "Мёртвая зона" – это не просто искажение пространства-времени. Это… реакция. Ответ на наше вмешательство. Если мы попытаемся "атаковать" её, она ответит. И её ответ может быть… катастрофическим.

Алекс вспомнил свои собственные мысли, записанные несколько дней назад. "Что, если "Мёртвая зона" – не побочный эффект эксперимента, а ответная реакция на него?"

– Вы говорите об "иммунной системе вселенной", – медленно произнёс он. – Вы действительно верите в это?

– После того, что я видела, что чувствовала… да, – твёрдо ответила Верхова. – Вселенная – не просто пустое пространство с разбросанными по нему объектами. Это сложная, взаимосвязанная система. И на каком-то фундаментальном уровне она… реагирует на определённые типы вмешательства.

– Как организм реагирует на инфекцию, – пробормотал Алекс.

– Именно, – Верхова горько улыбнулась. – Возможно, все эти религиозные метафоры о "живом космосе" содержат больше истины, чем мы думали.

Алекс покачал головой, пытаясь уложить в сознании эту концепцию. Если Верхова права, они столкнулись с чем-то гораздо более значительным, чем просто аномалия. Чем-то, что могло изменить фундаментальное понимание вселенной.

– Что нам делать? – спросил он. – Если устройство Северова только усугубит ситуацию…

– Нужно найти другой подход, – сказала Верхова. – Не нападать на "Мёртвую зону", а… понять её. Установить контакт.

– Контакт? – Алекс недоверчиво посмотрел на неё. – Вы говорите о ней так, словно это разумное существо.

– Не существо, – покачала головой Верхова. – Скорее… процесс. Система. Но с определённым уровнем… не сознания в нашем понимании, но… реактивности. Адаптивности.

Она внезапно напряглась, глядя на свои часы.

– Время истекает. Они скоро будут здесь. – Она протянула Алексу маленькую карту памяти. – Здесь мои личные записи, данные, которые я смогла собрать после инцидента. Северов не знает об их существовании. Используйте их, когда окажетесь внутри "Мёртвой зоны".

Алекс взял карту, спрятал в карман.

– Почему вы сами не присоединитесь к экспедиции? Почему не попытаетесь убедить Северова?

Верхова горько рассмеялась.

– Вы думаете, меня послушают? "Сумасшедшую учёную", которая утверждает, что разговаривает с космической аномалией? – Она покачала головой. – Нет, доктор Нагорный. Я свою роль уже сыграла. Теперь ваша очередь.

Из коридора послышались шаги и голоса.

– Идите, – быстро сказала Верхова. – Используйте другой выход. И помните – "Мёртвая зона" наблюдает. Она учится. И от того, как мы себя поведём при встрече с ней, зависит очень многое.

Алекс кивнул и направился к боковой двери. На пороге он обернулся.

– Доктор Верхова… Анна. Спасибо.

Она лишь устало улыбнулась в ответ.

Выскользнув из лаборатории, Алекс торопливо шёл по пустым коридорам, сжимая в кармане маленькую карту памяти. Голова кружилась от новой информации, от возможных импликаций. Если хотя бы часть того, что сказала Верхова, была правдой, им предстояло столкнуться с чем-то гораздо более значительным, чем просто физическая аномалия.

И от их действий зависело не только будущее человечества, но, возможно, фундаментальные отношения между разумной жизнью и самой структурой вселенной.

Вернувшись в свою каюту, Алекс извлёк из стола защищённый ридер – устройство без выхода в сеть, которое использовал для работы с особо конфиденциальными данными. Вставив карту памяти, он начал просматривать материалы Верховой.

То, что он нашёл, заставило его просидеть без сна до самого утра.

Глава 3: Проект "Дедал"

Утро наступило слишком быстро. Алекс, проведший ночь за изучением данных Верховой, чувствовал себя разбитым. Глаза саднило, в голове пульсировала тупая боль. Он принял стимуляторы – последние из его личного запаса – и заставил себя встать под холодный душ. Впереди был долгий день.

Материалы, переданные Верховой, оказались поразительными. Помимо научных данных и личных наблюдений, там содержались засекреченные отчёты о других инцидентах, похожих на происшествие с "Прометеем", но меньшего масштаба. Оказывается, за последние тридцать лет было зарегистрировано не менее семи случаев появления локализованных пространственных аномалий после экспериментов с квантовыми технологиями. Все они были тщательно скрыты от общественности.

Наиболее тревожным было то, что некоторые из этих аномалий демонстрировали признаки, которые можно было интерпретировать как "адаптивное поведение". Они реагировали на попытки исследования, меняли свойства в ответ на внешние воздействия. Но ни одна из них не достигала масштаба "Мёртвой зоны".

Заметки Верховой становились всё более тревожными и странными по мере приближения к последним записям. Она писала о "структурах", которые видела внутри искажения, о "геометрических паттернах", которые словно пытались имитировать человеческие формы, о "сигналах", которые она начала "получать" после инцидента. В последних записях появлялись фразы, которые можно было истолковать как прямую "коммуникацию" с "Мёртвой зоной".

"Она растёт, потому что учится," – писала Верхова. "Каждая новая попытка исследования даёт ей больше информации о нас. Она пытается понять, что мы такое и почему нарушаем структуру реальности."

Алекс не был уверен, насколько можно доверять этим заявлениям. Верхова определённо пережила психологическую травму, и её восприятие могло быть искажено. Но другие данные – объективные измерения, записи приборов – действительно показывали странные закономерности в поведении "Мёртвой зоны".

Особенно его заинтересовал раздел о "центре" аномалии. Согласно теории Верховой, в самой сердцевине "Мёртвой зоны" существовала область, где привычные законы физики полностью переставали действовать, где реальность становилась "пластичной" и могла быть "сформирована" сознанием наблюдателя. Это звучало как научная фантастика, но сопровождалось математическими выкладками, которые, при всей их странности, не содержали явных ошибок.

Всё это крутилось в голове Алекса, когда он шёл на утренний брифинг. До старта оставалось меньше двух суток, и сегодня команда должна была впервые увидеть "Дедал" – корабль, который доставит их к "Мёртвой зоне".

Шаттл, доставивший их с поверхности Марса на орбиту, был переполнен. Помимо научной группы, в которую входили Алекс, Елена и ещё четверо специалистов, здесь находились инженеры, техники, медицинский персонал и небольшое подразделение военных под командованием майора Кейна. Всего около тридцати человек – команда, которой предстояло отправиться в самое сердце космической аномалии.

Генерал Северов сидел отдельно, погружённый в свои мысли. Рядом с ним расположилась Анна Верхова, бледная и безучастная, в сопровождении медицинского офицера, который не отходил от неё ни на шаг. Алекс поймал её взгляд, но она никак не показала, что узнаёт его. Возможно, это была предосторожность, или же её действительно накачали транквилизаторами, как шептались некоторые члены команды.

– Надеюсь, ты хорошо спал, – тихо сказала Елена, занимая место рядом с Алексом. – Потому что я – нет. Всю ночь изучала последние данные о "Мёртвой зоне".

– Что-то новое? – так же тихо спросил он.

– Скорость расширения продолжает увеличиваться, – ответила она. – Но есть кое-что ещё. Граница зоны… меняется. Она больше не идеально сферическая. Появляются выступы, словно… щупальца. Они вытягиваются в разных направлениях, затем втягиваются обратно.

Алекс нахмурился. Это согласовывалось с теорией Верховой об "адаптивном поведении".

– Куда направлены эти выступы? Есть какая-то закономерность?

– В основном в сторону наших исследовательских зондов, – Елена понизила голос ещё сильнее. – Словно она… тянется к ним. Изучает.

"Она растёт, потому что учится," – снова вспомнились слова Верховой. Совпадение? Или реальный феномен?

Шаттл вышел на стыковочную траекторию с орбитальной станцией "Фобос-1", и дальнейший разговор стал невозможен. Через иллюминаторы открылся вид на массивную конструкцию – одну из крупнейших станций, построенных человечеством за пределами земной орбиты. И пришвартованный к ней корабль, не похожий ни на что, виденное Алексом раньше.

"Дедал" не выглядел как обычные космические корабли. Его форма напоминала гигантское веретено длиной около двухсот метров, с утолщением в центральной части. Корпус был покрыт странным материалом, который, казалось, поглощал свет, создавая впечатление глубокой черноты. Вдоль всей длины корабля тянулись массивные механические конструкции, назначение которых было не совсем понятно. Никаких привычных солнечных батарей, антенн или внешних двигателей видно не было.

– Впечатляет, не правда ли? – раздался голос рядом. Алекс обернулся и увидел пожилого азиата с короткой седой бородкой. – Джеймс Чен, главный инженер проекта, – представился незнакомец, протягивая руку.

– Алекс Нагорный, – ответил Алекс, пожимая сухую, но крепкую ладонь. – Вы… построили это?

– Я руководил проектированием и сборкой, – с гордостью кивнул Чен. – "Дедал" – уникальный корабль. Первый в своём роде, созданный специально для функционирования в условиях "Мёртвой зоны".

– Как он работает без электроники? – спросил Алекс. – Насколько я понимаю, в зоне отказывают все электрические системы.

– Гидравлика, пневматика и прямая механическая передача, – ответил Чен. – Все критические системы могут функционировать без электричества. Конечно, мы не вернулись полностью к технологиям XIX века – используются современные материалы, сплавы, композиты. Но принципы работы… да, они достаточно архаичны.

– А двигатели? Системы жизнеобеспечения?

– Увидите сами, – улыбнулся Чен. – Я проведу для научной группы отдельную экскурсию после общего брифинга. Поверьте, вы будете впечатлены.

Шаттл пристыковался к станции, и команда начала выгрузку. Их встретил персонал "Фобоса-1", который сопроводил прибывших в большой конференц-зал. Стены зала были заставлены экранами с технической информацией, чертежами "Дедала" и данными о "Мёртвой зоне".

Когда все расселись, генерал Северов поднялся на небольшое возвышение в центре зала.

– Дамы и господа, – начал он без предисловий, – в течение следующих сорока восьми часов вы пройдёте краткий, но интенсивный курс подготовки к миссии. Вы ознакомитесь с устройством "Дедала", процедурами безопасности и протоколами действий в различных ситуациях. Я не буду скрывать – экспедиция крайне рискованна. Мы отправляемся в неизвестность, к феномену, который не поддаётся стандартному научному объяснению. Но от успеха нашей миссии зависит будущее не только Земли, но и всех колоний человечества.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

– Мистер Чен, прошу вас, расскажите команде о "Дедале".

Джеймс Чен занял место Северова и активировал голографический проектор в центре зала. Появилось трёхмерное изображение корабля, которое начало вращаться, показывая его со всех сторон.

– "Дедал" – первый корабль класса "Икар-2", – начал Чен. – Длина – 197 метров, максимальный диаметр – 42 метра. Рассчитан на экипаж до 35 человек. Автономность – до шести месяцев. Главная особенность "Дедала" – способность функционировать в условиях полного отказа электрических систем.

Изображение увеличилось, показывая внутреннюю структуру корабля.

– Центральная часть – жилой отсек, – продолжил Чен, указывая на соответствующую секцию. – Здесь находятся каюты экипажа, медицинский отсек, столовая, тренажёрный зал. В носовой части – исследовательские лаборатории и центр управления. В кормовой – двигатели и технические отсеки.

– Какой тип двигателей используется? – спросил один из учёных. – Если электроника не работает…

– Термоядерный импульсный двигатель с механическим управлением, – ответил Чен. – По сути, миниатюрные управляемые термоядерные взрывы, преобразуемые в тягу. Система создавалась для дальних автономных миссий, но оказалась идеальной для наших целей, поскольку может функционировать с минимальным электронным контролем.

– А системы жизнеобеспечения? – спросила Елена.

– Замкнутый биологический цикл с механическими системами циркуляции и фильтрации, – ответил Чен. – Кислород производится водорослями в специальных резервуарах. Вода очищается через многоступенчатую систему фильтров. Тепло генерируется за счёт остаточной энергии реактора. Всё это контролируется через механические датчики и регуляторы.

– Звучит как стимпанк в космосе, – пробормотал кто-то, вызвав несколько нервных смешков.

– Отчасти так и есть, – улыбнулся Чен. – Мы адаптировали старые технологии для новой эры. Но есть и принципиально новые элементы.

Изображение сменилось, показывая странную конструкцию в центральной части корабля – нечто вроде сферы, окружённой концентрическими кольцами.

– Это "Архимед", – с гордостью сказал Чен. – Аналоговый компьютер нового поколения. Он использует механические, оптические и гидравлические системы для обработки информации. Никакой электроники, только чистая физика. Он менее мощный, чем современные квантовые компьютеры, но в условиях "Мёртвой зоны" это единственное, что будет работать.

Алекс с интересом изучал изображение. Идея использовать аналоговые компьютеры была не нова – они применялись в ранней космической программе, до эры полупроводников. Но то, что создал Чен, выглядело как произведение искусства – сложная механическая система, работающая по принципам, заложенным ещё Бэббиджем и Тьюрингом, но исполненная с использованием современных материалов и технологий.

– "Архимед" будет помогать в навигации, расчётах траекторий и обработке научных данных, – продолжил Чен. – Он также интегрирован с системами управления корабля через серию механических интерфейсов.

– А если нам понадобится связаться с базой? – спросил один из военных.

– В пределах "Мёртвой зоны" стандартная связь невозможна, – ответил Чен. – Но мы создали систему лазерной коммуникации, которая, теоретически, может работать через периферийные области зоны. На больших расстояниях это будет медленно и ненадёжно, но лучше, чем ничего.

Брифинг продолжался ещё два часа. Чен подробно рассказывал о различных системах корабля, отвечал на вопросы, демонстрировал симуляции. Алекс внимательно слушал, делая

заметки, но часть его сознания продолжала анализировать информацию, полученную от Верховой.

Если "Мёртвая зона" действительно была своего рода "ответом" вселенной на эксперименты с её фундаментальной структурой, то что произойдёт, когда они проникнут внутрь? Будет ли аномалия воспринимать их как угрозу? И как она отреагирует на "устройство нейтрализации" Северова?

После брифинга команда разделилась на группы для более детального ознакомления с кораблём. Научная группа, включая Алекса и Елену, отправилась с Ченом на экскурсию по "Дедалу".

Внутри корабль был ещё более впечатляющим, чем снаружи. Коридоры с круглыми люками-переходами, напоминающие подводные лодки. Стены, покрытые датчиками с механическими стрелками и индикаторами. Гидравлические и пневматические трубы, тянущиеся вдоль потолка и стен. И повсюду – звуки работающих механизмов: шипение пневматики, тихий гул гидравлических систем, щелчки и тиканье механических регуляторов.

– Добро пожаловать в прошлое, смотрящее в будущее, – сказал Чен, ведя их по главному коридору. – Здесь почти нет электроники, за исключением нескольких резервных систем, которые будут отключены при входе в "Мёртвую зону".

Они прошли через жилой отсек – сравнительно тесные каюты, напоминающие отсеки на подводных лодках, каждая рассчитана на двух человек. Затем посетили медицинский отсек, оснащённый странной смесью современного и архаичного оборудования. Большая часть диагностических приборов была оптической или механической, с аналоговыми индикаторами.

– Как вы проводите сложные медицинские процедуры без электроники? – спросила Елена у сопровождавшего их врача.

– С трудом, – честно ответил тот. – Мы возвращаемся к методам середины XX века, но с использованием современных материалов и препаратов. В крайнем случае, у нас есть изолированные, экранированные отсеки, где можно на короткое время включить электронное оборудование. Но мы не знаем, как долго оно проработает внутри зоны.

Следующей остановкой был центр управления – просторное помещение, заполненное механическими консолями, аналоговыми дисплеями и странными устройствами, назначение которых было не сразу понятно. В центре располагалось кресло пилота, окружённое концентрическими кругами приборных панелей.

– Это ваше рабочее место, доктор Нагорный, – сказал Чен, указывая на кресло. – Вы и ещё двое пилотов будете посменно управлять кораблём. Ваш опыт с механическими системами навигации будет здесь бесценен.

Алекс подошёл ближе, изучая приборы. Большинство были знакомы ему по тренировкам на старых космических симуляторах, но некоторые выглядели совершенно ново.

– А это что? – спросил он, указывая на странное устройство справа от кресла – нечто вроде механического манипулятора с множеством шарниров.

– Интерфейс с "Архимедом", – с гордостью ответил Чен. – Через него пилот может задавать компьютеру сложные вычислительные задачи и получать результаты в виде механических или оптических сигналов.

Алекс осторожно коснулся устройства. Оно отозвалось плавным движением, словно живое существо.

– Невероятно, – пробормотал он. – Никогда не видел ничего подобного.

– Потому что такого ещё не существовало, – улыбнулся Чен. – "Дедал" – первый в своём роде. И, надеюсь, не последний.

Последним пунктом экскурсии была исследовательская лаборатория – огромное помещение, заполненное научным оборудованием. Здесь были оптические микроскопы, механиче-

ские спектрометры, аналоговые гравиметры и множество других приборов, адаптированных для работы без электроники.

– Здесь вы будете анализировать данные, собранные во время экспедиции, – объяснил Чен. – Все приборы механические или оптические, но точность многих не уступает электронным аналогам.

– А как мы будем собирать образцы из "Мёртвой зоны"? – спросил один из учёных. – Если мы не можем послать туда зонды?

– У нас есть механические манипуляторы, – ответил Чен. – И специальные скафандры для внекорабельной деятельности, оснащённые автономными системами жизнеобеспечения на механической основе. Они позволят проводить непосредственные исследования вне корабля.

Алекс заметил, что в дальнем конце лаборатории была закрытая секция, отделённая толстой металлической дверью с кодовым замком.

– А что там? – спросил он, указывая на дверь.

Чен слегка замялся, бросив быстрый взгляд на сопровождавшего их офицера безопасности.

– Это… специальный исследовательский отсек, – наконец ответил он. – Для особых экспериментов.

Алекс понял, что это, скорее всего, было местом размещения загадочного "устройства нейтрализации". Северов явно держал эту часть миссии в строжайшей тайне даже от большинства членов экспедиции.

После экскурсии команда вернулась на станцию для начала тренировок. Следующие полтора дня были заполнены интенсивными занятиями на симуляторах, изучением протоколов, медицинскими проверками и инструктажами по безопасности.

Алекс, Елена и Кейн практически не имели возможности поговорить наедине. Но во время одного из коротких перерывов им удалось встретиться в относительно безлюдном коридоре станции.

– Мне удалось узнать кое-что об устройстве, – тихо сказал Кейн, делая вид, что просто беседует с коллегами. – Оно называется "Игла". И это не просто оружие – это модифицированная версия генератора, который использовался на "Прометее".

– Генератора чего? – напряжённо спросил Алекс.

– Квантового туннеля, – ответил Кейн. – По теории, "Игла" должна создать противоположно направленное искажение, которое нейтрализует "Мёртвую зону" или хотя бы остановит её расширение.

– Это безумие, – прошептала Елена. – Если зона возникла в результате подобного эксперимента, как можно надеяться исправить ситуацию, делая то же самое?

– Верхова предупреждала об этом, – кивнул Алекс. – Она считает, что любая попытка атаковать "Мёртвую зону" только спровоцирует её на более агрессивный ответ.

– Верхова? – Кейн бросил на него острый взгляд. – Ты говорил с ней?

– Да, – признался Алекс. – Она нашла способ встретиться со мной. И передала… информацию.

Он кратко рассказал о теории Верховой относительно "адаптивной природы" аномалии и концепции "иммунного ответа вселенной".

– Звучит как бред сумасшедшего, – пробормотал Кейн, но в его голосе не было уверенности.

– Возможно, – согласился Алекс. – Но что, если она права? Что, если "Мёртвая зона" – это действительно своего рода защитная реакция на наше вмешательство в структуру реальности?

– Тогда использование "Иглы" может быть катастрофической ошибкой, – мрачно сказала Елена. – Но как нам убедить в этом Северова? Он верит, что это инопланетное вторжение, и не рассматривает альтернативные теории.

– Нам нужны доказательства, – сказал Кейн. – Конкретные, неопровержимые данные, которые подтвердят или опровергнут теорию Верховой. И получить их мы сможем только внутри "Мёртвой зоны".

– Значит, наша задача – собрать эти данные до того, как Северов решит активировать "Иглу", – подытожил Алекс. – Но времени у нас будет очень мало.

– И ещё одно, – добавил Кейн, понизив голос до едва слышного шёпота. – Северов получает приказы напрямую от Совета Безопасности. Я слышал обрывки разговора… Похоже, они рассматривают "Мёртвую зону" как потенциальное оружие. Если бы удалось контролировать такую аномалию…

Он не закончил фразу, но смысл был ясен. Если бы человечество научилось создавать и направлять подобные искажения пространства-времени, это дало бы невероятное военное преимущество. Абсолютное оружие, против которого нет защиты.

– Это ещё хуже, – пробормотал Алекс. – Если они хотят не уничтожить "Мёртвую зону", а… приручить её…

– Мы должны быть готовы к любому развитию событий, – решительно сказал Кейн. – И действовать по обстоятельствам.

На этом их разговор прервался – по коридору шла группа техников. Каждый вернулся к своим обязанностям, но мысли Алекса были далеко от тренировок и инструктажей.

Он вспоминал слова Верховой: "Мы приоткрыли дверь, не задумываясь о том, что может быть по другую сторону. И теперь это… входит."

Что именно "входит" через эту "дверь"? И что произойдёт, когда они окажутся внутри "Мёртвой зоны"?

Вечером последнего дня перед стартом Алекс сидел в маленькой каюте, выделенной ему на станции, и пытался привести в порядок мысли. Завтра они отправятся в неизвестность. Завтра начнётся путешествие, которое может изменить судьбу человечества – и его собственную судьбу.

Он достал из кармана серебряную заколку для волос в форме бабочки – последний подарок дочери. Смотрел на неё, поворачивая в руках, ловя отблески света на полированном металле.

– Я найду ответы, Эмили, – прошептал он. – Клянусь, я узнаю, что случилось с вами. И не позволю этому повториться.

В дверь осторожно постучали. Алекс быстро спрятал заколку и открыл.

На пороге стояла Елена, бледная и встревоженная.

– Что случилось? – спросил Алекс, пропуская её внутрь.

– Верхова, – тихо сказала Елена, закрывая за собой дверь. – Её нет в медицинском отсеке. Никто не знает, где она.

– Что? – Алекс напрягся. – Она сбежала?

– Не знаю, – покачала головой Елена. – Охрана молчит, Северов созвал экстренное совещание службы безопасности. Кейн сейчас там.

– Это плохо, – пробормотал Алекс. – Если Северов заподозрит, что кто-то помог ей…

– Дело не только в этом, – прервала его Елена. – Верхова – единственная, кто действительно понимает природу "Мёртвой зоны". Без неё…

Она не закончила фразу, но Алекс понял. Без Верховой у них было гораздо меньше шансов правильно интерпретировать то, с чем они столкнутся внутри аномалии.

– У меня есть её данные, – тихо сказал Алекс. – Записи, теории, наблюдения. Не всё, конечно, но… достаточно, чтобы двигаться в правильном направлении.

Елена удивлённо посмотрела на него.

– Когда ты успел получить доступ к её файлам?

– Она сама передала их мне, – ответил Алекс. – При нашей встрече.

Елена покачала головой, обдумывая услышанное.

– Это может быть как хорошо, так и плохо. Если Северов узнает…

– Он не узнает, – твёрдо сказал Алекс. – По крайней мере, до тех пор, пока у нас не будет достаточно собственных данных, чтобы подтвердить или опровергнуть её теории.

В этот момент загудела станционная сирена, и металлический голос из динамиков объявил:

– Внимание всему персоналу. Объявлена общестанционная тревога. Всем оставаться на местах до дальнейших указаний. Повторяю…"

Елена и Алекс обменялись тревожными взглядами.

– Что происходит? – прошептала она.

– Не знаю, – ответил Алекс, – но что-то мне подсказывает, что это связано с исчезновением Верховой.

Они ждали дальнейших объявлений, но динамики молчали. Через полчаса сирена смолкла, но указания оставаться на местах не было отменено.

Только под утро пришло новое сообщение:

– Внимание экипажу "Дедала". Сбор в доке №3 через один час. Старт перенесён на 09:00. Повторяю…"

– Ещё раньше? – удивился Алекс. – Что за спешка?

– Северов боится, что что-то может сорвать миссию, – предположила Елена. – Или… получил новые данные о "Мёртвой зоне".

Они быстро собрали свои вещи и направились к указанному доку. По пути им встретился Кейн, выглядевший усталым и напряжённым.

– Что происходит? – тихо спросил его Алекс, когда они оказались вне зоны слышимости других.

– Верхова мертва, – так же тихо ответил Кейн. – Самоубийство. Нашли в техническом отсеке с перерезанными венами.

Алекс почувствовал, как внутри всё холодеет.

– Вы уверены, что это самоубийство?

Кейн бросил на него острый взгляд.

– Официальная версия – да. Но… – он понизил голос ещё сильнее, – следов крови было слишком мало для такого способа смерти. И её лицо… оно выглядело странно. Искажённым. Словно она увидела что-то… невозможное.

Елена судорожно вздохнула, но ничего не сказала.

– А ускорение старта? – спросил Алекс. – Это связано?

– Не напрямую, – ответил Кейн. – Новые данные показывают драматическое ускорение расширения "Мёртвой зоны". За последние двенадцать часов скорость увеличилась в три раза. Если так продолжится, через год она достигнет орбиты Урана.

Они подошли к доку, где уже собиралась команда. Лица у всех были напряжённые, многие выглядели невыспавшимися и встревоженными. Видимо, слухи о происшествии с Верховой и ускорении расширения "Мёртвой зоны" уже распространились.

Генерал Северов стоял у входа в стыковочный шлюз, ведущий к "Дедалу". Когда все собрались, он поднял руку, призывая к тишине.

– Экипаж "Дедала", – начал он без предисловий, – ситуация изменилась. "Мёртвая зона" расширяется с беспрецедентной скоростью. У нас больше нет времени на дополнительную подготовку. Мы отправляемся немедленно.

Он обвёл взглядом собравшихся.

– Я не буду скрывать – ночью произошёл прискорбный инцидент. Доктор Анна Верхова покончила с собой. Это потеря для нашей миссии, но не фатальная. У нас есть все необходимые данные и оборудование для выполнения задачи.

В толпе послышались шепотки. Северов поднял руку, призывая к тишине.

– Сейчас не время для слухов и домыслов. Сейчас время действовать. Ситуация критическая, и от успеха нашей миссии зависит будущее человечества. Займите свои места на корабле согласно распределению. Старт – через тридцать минут.

Команда начала проходить через шлюз на борт "Дедала". Алекс, Елена и Кейн обменялись быстрыми взглядами. Слова не требовались – каждый понимал, что теперь их план стал ещё более сложным и рискованным.

Верхова мертва. "Мёртвая зона" ускоряет расширение. И они отправляются прямо в её сердце, навстречу неизвестности.

Алекс в последний раз оглянулся на станцию, прежде чем шагнуть в шлюз "Дедала". Странное чувство охватило его – словно он пересекал невидимую границу, за которой уже ничто не будет прежним. Ни для него. Ни для человечества.

Глава 4: Симуляции

Старт "Дедала" был гораздо более бурным, чем ожидал Алекс. Импульсные термоядерные двигатели, даже при всей тщательности их калибровки, создавали неравномерную тягу. Корабль словно дёргался в пространстве, продвигаясь вперёд рывками, каждый из которых сопровождался глухим грохотом и вибрацией, прокатывавшейся по всему корпусу.

Алекс сидел в кресле пилота, одном из трёх в центре управления, сжимая механические рычаги контроля тяги. Рядом с ним второй пилот, капитан Мария Родригес, контроли-

ровала стабилизаторы, а навигатор лейтенант Томас Хардинг следил за сложными механическими навигационными приборами.

– Выравниваю курс, – произнесла Родригес, поворачивая массивный штурвал стабилизации. – Крен пять градусов влево.

– Компенсирую, – ответил Алекс, слегка сдвигая рычаги. Он чувствовал, как корабль отзывается на его команды – не мгновенно, как современные суда с электронным управлением, а с небольшой задержкой, словно огромное морское животное, реагирующее на прикосновение.

Это было странное ощущение – управлять таким сложным механизмом почти без помощи компьютеров. Все расчёты приходилось производить частично в уме, частично с помощью механических вычислителей. "Архимед", аналоговый компьютер "Дедала", помогал с наиболее сложными вычислениями, но взаимодействие с ним требовало особых навыков, которыми Алекс ещё не овладел в полной мере.

– Десять минут до выхода на расчётную траекторию, – объявил Хардинг, сверяясь с хронометром. – Отклонение от курса в пределах допустимого.

Позади пилотов, на возвышении, располагалось кресло капитана. Его занимал не Северов, как можно было бы ожидать, а коммандер Эрик Листер – опытный офицер космического флота, молчаливый и сдержанный человек лет пятидесяти. Генерал предпочёл оставить оперативное управление кораблём профессионалам, сосредоточившись на общем руководстве миссией.

– Отлично, – кивнул Листер. – После выхода на траекторию переходим на автоматическое поддержание курса и начинаем цикл симуляций.

Алекс бросил быстрый взгляд через плечо. Симуляции. Ключевой элемент подготовки к встрече с "Мёртвой зоной". В нормальных условиях команда проходила бы их недели или даже месяцы перед миссией, но спешка сократила этот период до нескольких дней. Теперь им предстояло наверстывать на ходу, используя специальные тренажёры, воспроизводящие ожидаемые условия внутри аномалии.

Спустя десять минут "Дедал" вышел на расчётную траекторию к границам Солнечной системы. Двигатели перешли в экономный режим, создавая постоянное небольшое ускорение. По расчётам, путь до "Мёртвой зоны" должен был занять около трёх недель – долгий срок по меркам современных космических путешествий, но "Дедал" не мог использовать наиболее эффективные двигательные системы из-за их зависимости от электроники.

После передачи управления автоматическим системам (которые на "Дедале" представляли собой сложный комплекс механических регуляторов и гироскопов) Алекс отправился в свою каюту, чтобы немного отдохнуть перед началом цикла симуляций. Но едва он успел принять душ и переодеться, как по корабельной системе оповещения (работавшей на основе пневматических труб, как в старинных зданиях) пришло сообщение: "Научной группе собраться в тренировочном модуле через 15 минут."

Тренировочный модуль располагался в центральной части корабля и представлял собой просторное помещение, заполненное странной смесью высокотехнологичного и архаичного оборудования. Здесь были механические симуляторы, напоминающие старинные аркадные автоматы, виртуальные кабины с автономным питанием, и несколько устройств, назначение которых было не сразу понятно.

Когда Алекс вошёл, большая часть научной группы уже собралась. Елена стояла у одного из симуляторов, изучая его конструкцию. Рядом с ней молодой физик Дэвид Коэн что-то оживлённо объяснял, используя сложные жесты. Остальные члены группы – биолог Сунита Пател, планетолог Марко Венци и специалист по квантовой механике Лиза Чанг – тихо переговаривались в углу.

Генерал Северов вошёл минуту спустя в сопровождении Джеймса Чена и майора Кейна.

– Дамы и господа, – начал Северов без предисловий, – перед нами стоит сложная задача. Мы должны за крайне ограниченное время подготовиться к условиям, с которыми никто из людей ещё не сталкивался. Мистер Чен разработал серию симуляторов, которые, на основе имеющихся данных, воспроизводят возможные эффекты "Мёртвой зоны".

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

– Я не буду скрывать – мы не знаем наверняка, что нас ждёт. Симуляции основаны на данных, полученных с помощью зондов и наблюдений с расстояния. Реальность может оказаться… иной. Но это лучшее, что у нас есть.

Чен выступил вперёд.

– Я разработал пять типов симуляций, – сказал он. – Каждая фокусируется на определённом аспекте феномена "Мёртвой зоны". Первая – симуляция отказа электронных и электрических систем. Вторая – пространственные искажения. Третья – временные аномалии. Четвёртая – психологические эффекты. Пятая – комбинированный сценарий.

Он указал на различные симуляторы в помещении.

– Каждый из вас пройдёт через все типы симуляций в течение следующих нескольких дней. Мы начнём с базового уровня и будем постепенно увеличивать сложность. Наша цель – не просто научить вас выживать в условиях "Мёртвой зоны", но и эффективно выполнять свои обязанности.

– А что именно включает в себя симуляция психологических эффектов? – спросила Елена, и Алекс заметил напряжение в её голосе.

– По имеющимся данным, "Мёртвая зона" может вызывать галлюцинации, дезориентацию, искажённое восприятие времени и пространства, – ответил Чен. – Симулятор создаёт визуальные и сенсорные эффекты, имитирующие эти состояния, чтобы вы научились распознавать их и функционировать, несмотря на них.

– И насколько… реалистичны эти симуляции? – спросил Дэвид Коэн.

– Достаточно, чтобы вызвать дискомфорт, – честно ответил Чен. – Но не настолько, чтобы причинить психологический вред. Мы не можем позволить себе травмировать членов экипажа перед миссией.

– Кто будет первым? – спросил Северов, оглядывая группу.

Алекс сделал шаг вперёд.

– Я.

Он увидел, как Елена бросила на него встревоженный взгляд, но проигнорировал его. Если кто-то должен был проверить эти симуляторы, лучше это будет он, человек с опытом как в научной, так и в военной сферах.

– Хорошо, – кивнул Северов. – Начнём с симуляции отказа систем. Мистер Чен, подготовьте оборудование.

Первая симуляция проходила в небольшой кабине, напоминающей кокпит космического корабля. Внутри располагалась упрощённая версия систем управления "Дедала". Алекс сел в кресло пилота, пока Чен объяснял задачу:

– Вы будете управлять виртуальным кораблём через серию препятствий. По мере продвижения различные системы начнут отказывать в случайном порядке. Ваша задача – поддерживать стабильный курс и скорость, адаптируясь к отказам.

Алекс кивнул, надевая специальные очки, создающие эффект виртуальной реальности.

– Начинаем, – сказал Чен, активируя систему.

Перед глазами Алекса развернулась трёхмерная картина космического пространства, с рассеянными астероидами и космическим мусором. Управление кораблём было интуитивно понятным – две рукоятки для контроля направления и скорости, ряд переключателей для различных систем.

Первые несколько минут всё шло гладко. Алекс легко маневрировал между препятствиями, поддерживая стабильный курс. Затем начались отказы. Сначала отключились дополнительные двигатели, затем система навигации. Алекс компенсировал это, переходя на ручное управление и ориентируясь по звёздам (благо, его опыт астрофизика здесь пригодился).

Затем ситуация усложнилась. Основной двигатель начал работать нестабильно, создавая неравномерную тягу. Система жизнеобеспечения показывала сбои, требуя постоянной ручной регулировки. А затем отказала система освещения, оставив кабину в полумраке, с лишь слабым светом аварийных ламп.

Алекс чувствовал, как растёт напряжение. Пот стекал по вискам, руки начинали дрожать от постоянного напряжения. Но он не сдавался, продолжая управлять кораблём почти вслепую, полагаясь на тактильные ощущения и память.

Когда симуляция завершилась, и свет в кабине вернулся к нормальному уровню, Алекс обнаружил, что его рубашка полностью промокла от пота. Он снял очки и увидел Чена, наблюдающего за ним с выражением сдержанного одобрения.

– Впечатляюще, доктор Нагорный, – сказал инженер. – Большинство участников теряют контроль над кораблём гораздо раньше. Ваш опыт пилота действительно бесценен.

Алекс кивнул, вытирая лоб рукавом.

– Это было… интенсивно. Но внутри "Мёртвой зоны" будет ещё хуже, не так ли?

– Вероятно, – честно ответил Чен. – Это лишь базовый уровень симуляции. И мы не можем предсказать все возможные эффекты аномалии.

Следующей была симуляция пространственных искажений. Алекса проводили в другую кабину, больше напоминающую небольшую комнату с несколькими объектами – стол, стул, несколько приборов на стенах.

– Здесь задача иная, – объяснил Чен. – Вы должны будете выполнять простые действия – переместиться от одной стены к другой, взять предмет со стола, активировать определённый прибор. Но пространство внутри симулятора будет искажаться. Расстояния могут казаться больше или меньше, чем они есть на самом деле. Предметы могут выглядеть не там, где находятся физически.

Алекс вошёл в кабину, и дверь закрылась за ним. Сначала всё выглядело нормально, но затем стены словно начали дышать, слегка пульсируя. Он попытался пройти к противоположной стене, но внезапно она показалась гораздо дальше, чем была на самом деле. Сделав несколько шагов, Алекс вдруг обнаружил, что уже прошёл мимо неё и упирается в соседнюю стену.

Это было дезориентирующее, почти тошнотворное ощущение. Пространство вокруг словно перестало подчиняться привычным законам евклидовой геометрии. Углы казались неправильными, параллельные линии как будто пересекались.

Алекс попытался сосредоточиться на физических ощущениях, игнорируя визуальную информацию. Он закрыл глаза и использовал руки, чтобы ощупывать пространство вокруг. Это помогло, но не полностью – даже тактильные ощущения иногда искажались, создавая иллюзию того, что он касается объекта, которого на самом деле там не было.

После пятнадцати минут в этой кабине Алекс чувствовал себя физически больным. Головокружение, тошнота, дезориентация – всё это накатывало волнами. Когда дверь наконец открылась, он буквально вывалился наружу, с трудом удерживаясь на ногах.

– Это нормальная реакция, – сказал Чен, помогая Алексу сесть. – Пространственные искажения – один из самых дезориентирующих эффектов "Мёртвой зоны". Наш мозг эволюционировал для восприятия трёхмерного евклидова пространства. Когда эти правила нарушаются…

– Я понимаю теорию, – слабо улыбнулся Алекс, принимая предложенный стакан воды. – На практике это… впечатляет.

Елена подошла к нему, обеспокоенно вглядываясь в лицо.

– Ты в порядке? Выглядишь бледным.

– Буду, – кивнул Алекс. – Просто нужно немного времени, чтобы прийти в себя.

Северов наблюдал за происходящим с некоторого расстояния, его лицо оставалось бесстрастным.

– Продолжим через пятнадцать минут, – объявил он. – Следующая симуляция – временные аномалии.

Чен бросил на Алекса оценивающий взгляд.

– Возможно, доктору Нагорному стоит сделать более длительный перерыв. Эффекты от пространственной симуляции могут сохраняться…

– Я в порядке, – твёрдо прервал его Алекс, поднимаясь на ноги. Лёгкое головокружение ещё ощущалось, но уже отступало. – Чем быстрее я пройду через всё это, тем быстрее адаптируюсь.

Северов одобрительно кивнул.

– Вот это настрой, которого я ожидаю от членов экспедиции. Пятнадцать минут, затем продолжаем.

Во время короткого перерыва к Алексу подошёл Кейн.

– Впечатляющая выносливость, доктор, – сказал он негромко. – Но не перенапрягайтесь. Нам понадобятся все ваши силы, когда мы достигнем "Мёртвой зоны".

– Я знаю свои пределы, – ответил Алекс. – Пока всё в порядке.

Кейн кивнул, затем, понизив голос, добавил:

– Есть кое-что, что вам следует знать. Я получил доступ к данным о "Игле". Устройство мощнее, чем мы предполагали. Оно не просто создаёт противоположно направленное искажение – оно предназначено для… реконфигурации самой структуры "Мёртвой зоны".

– Реконфигурации? – Алекс нахмурился. – Что именно это значит?

– Это значит, что Северов не просто хочет уничтожить аномалию. Он хочет… изменить её. Сделать управляемой.

Алекс почувствовал, как холодок пробежал по спине. Если теория Верховой о "иммунной системе вселенной" верна, попытка манипулировать "Мёртвой зоной" могла вызвать катастрофические последствия.

– Нам нужно больше информации, – тихо сказал он. – И больше союзников среди экипажа.

– Я работаю над этим, – кивнул Кейн и отошёл, заметив приближающегося техника.

Пятнадцать минут истекли быстрее, чем хотелось бы. Алекса проводили к третьему симулятору – небольшой кабине, внутри которой находились часы, календарь и несколько устройств для измерения времени.

– Временные аномалии – один из наименее изученных аспектов "Мёртвой зоны", – объяснил Чен. – Наши зонды регистрировали странные эффекты – ускорение или замедление времени в различных областях аномалии. Иногда сигналы приходили с временным сдвигом – то есть мы получали данные, как если бы они были отправлены раньше, чем зонд фактически вошёл в зону.

– Путешествие во времени? – скептически спросил Алекс.

– Не совсем, – покачал головой Чен. – Скорее, локальное искажение временного потока. Время течёт с разной скоростью в разных участках "Мёртвой зоны". Эта симуляция попытается воспроизвести ощущение такого искажения.

Алекс вошёл в кабину. Поначалу всё казалось нормальным. Часы на стене показывали правильное время, календарь отображал текущую дату. Затем начались изменения.

Сначала Алекс заметил, что секундная стрелка на аналоговых часах движется неравномерно – то ускоряясь, то почти останавливаясь. Затем он обнаружил, что цифровые часы показывают время, отличающееся от аналоговых, причём разница постоянно менялась.

Но настоящая дезориентация началась, когда изменилось его собственное восприятие времени. Действия, которые должны были занимать секунды, вдруг растягивались на минуты. Он поднимал руку, и движение казалось бесконечно долгим, словно он преодолевал вязкую среду. Затем, без предупреждения, время словно ускорялось – целая серия действий, на которые обычно уходили минуты, пролетала за секунды.

Алекс попытался выполнять задачи, которые ставил перед ним голос Чена из динамика – засечь определённый интервал, синхронизировать устройства, предсказать, когда произойдёт событие. Это было почти невозможно в условиях постоянно меняющегося временного потока.

Самым тревожным эффектом было ощущение дежавю – внезапное, подавляющее чувство, что он уже переживал этот момент, делал те же действия, слышал те же слова. Затем приходило противоположное чувство – будто он пропустил целые куски времени, выпал из реальности на несколько минут.

Когда симуляция завершилась, Алекс чувствовал себя странно отрешённым, словно его сознание не совсем синхронизировалось с телом. Выйдя из кабины, он обнаружил, что прошло почти сорок минут, хотя субъективно ему казалось, что прошло не больше пятнадцати.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Чен.

– Как будто я… расфокусирован, – медленно ответил Алекс. – Словно часть меня всё ещё там, в искажённом времени.

– Это нормально, – кивнул Чен. – Эффект должен пройти через несколько минут. Хотя, должен заметить, вы держались дольше, чем большинство испытуемых. Обычно мы прерываем симуляцию через двадцать минут.

Алекс заметил, что остальные члены научной группы наблюдают за ним с смесью беспокойства и профессионального интереса. Елена что-то записывала в блокнот, время от времени бросая на него оценивающие взгляды.

После короткого перерыва настало время четвёртой симуляции – психологических эффектов. Эта вызывала у Алекса наибольшие опасения, особенно после слов Верховой о "видениях" и "голосах".

Симулятор представлял собой полностью изолированную комнату без окон, с минималистичной обстановкой – простая кровать, стол, стул. На столе лежал блокнот и карандаш.

– Эта симуляция отличается от остальных, – предупредил Чен. – Мы используем комбинацию сенсорной депривации, низкочастотных звуков и слабого электромагнитного поля, чтобы вызвать определённые психологические эффекты. Ваша задача – записывать свои ощущения и наблюдения, сохраняя при этом ясность мышления.

– Какие именно эффекты я должен ожидать? – спросил Алекс.

– Это индивидуально, – ответил Чен. – Некоторые испытывают лёгкие галлюцинации, другие – странные чувственные ощущения. Иногда возникает феномен "присутствия" – ощущение, что в комнате есть кто-то ещё, хотя на самом деле вы один.

Алекс кивнул. Он уже сталкивался с сенсорной депривацией во время тренировок в космических войсках, хотя там целью было скорее испытание выносливости, чем изучение психологических эффектов.

– В любой момент вы можете прервать симуляцию, нажав кнопку у двери, – добавил Чен. – Мы также будем мониторить ваши показатели и прервём тест, если заметим признаки сильного дистресса.

– Понятно, – сказал Алекс. – Я готов.

Войдя в комнату, он сел на кровать и приготовился к долгому ожиданию. Первые несколько минут ничего особенного не происходило. Комната была тихой, со слабым, равно-

мерным освещением. Затем свет начал медленно тускнеть, не достигая полной темноты, но создавая сумеречную атмосферу.

Алекс начал замечать странные звуки – едва различимые, на грани слышимости. Не совсем шёпот, скорее шорох или скрип, словно кто-то двигался по комнате. Он знал, что это часть симуляции, но всё равно инстинктивно оглядывался, пытаясь определить источник звука.

Затем пришли ощущения. Лёгкое прикосновение к плечу – настолько реалистичное, что Алекс резко повернулся, но никого не увидел. Странное тепло, разливающееся по коже, будто кто-то направил на него невидимый обогреватель. И, наконец, то самое "присутствие" – непреодолимое чувство, что он в комнате не один.

Алекс начал записывать свои ощущения, стараясь сохранять научную отстранённость. Но чем дольше продолжалась симуляция, тем сложнее становилось отделять реальность от иллюзий.

Когда стены словно начали дышать – слегка пульсировать внутрь и наружу – он понял, что начались настоящие галлюцинации. В углу комнаты сформировалось тёмное пятно, которое, казалось, медленно меняло форму, вытягиваясь в высокую фигуру.

Алекс почувствовал ускорение пульса, но заставил себя продолжать наблюдение. "Это не реально," – напоминал он себе. "Это всего лишь симуляция."

И именно в этот момент он услышал голос. Тихий, едва различимый, но отчётливый.

"Алекс."

Он резко повернул голову, ища источник. Никого.

"Алекс. Мы тебя ждём."

Голос был женским, странно знакомым. С ужасом и недоверием Алекс понял, что он звучал как голос Дженнифер, его погибшей жены.

"Это не реально," – снова напомнил он себе, но сердце уже колотилось как безумное, а руки начали дрожать.

"В центре, Алекс. Мы в центре. Ты должен найти нас."

Тёмная фигура в углу комнаты теперь определённо напоминала человеческий силуэт. Маленький, как ребёнок. Как Эмили.

Алекс почувствовал, как к горлу подступает паника. Это уже выходило за рамки ожидаемых эффектов. Галлюцинации были слишком личными, слишком… направленными.

Он потянулся к кнопке, чтобы прервать симуляцию, но в последний момент остановился. Вместо этого он сосредоточился на дыхании, пытаясь замедлить сердцебиение. "Это не реально," – повторял он как мантру. "Это не Дженнифер. Это не Эмили. Это просто мой мозг, играющий со мной."

Постепенно ему удалось восстановить контроль. Голос затих, тёмная фигура растаяла. Алекс продолжил записывать свои наблюдения, теперь более структурированно и аналитически.

Когда свет в комнате начал медленно возвращаться к нормальному уровню, сигнализируя об окончании симуляции, Алекс почувствовал странное сожаление. Как будто часть его не хотела, чтобы голос исчез. Даже если это была лишь иллюзия, это был голос Дженнифер – что-то, что он не слышал десять долгих лет.

Дверь открылась, и вошёл Чен в сопровождении медицинского офицера.

– Как вы себя чувствуете, доктор Нагорный? – спросил инженер, внимательно изучая его лицо.

– Нормально, – ответил Алекс, удивляясь, насколько ровно звучит его голос. – Эффекты были… интенсивными, но управляемыми.

– Ваши биометрические показатели говорят об обратном, – заметил медик, просматривая данные на планшете. – В какой-то момент ваш пульс достиг 140 ударов в минуту, а уровень кортизола резко подскочил.

– Я справился, – твёрдо сказал Алекс. – И в следующий раз буду готов лучше.

Чен и медик обменялись взглядами.

– Что именно вы видели или слышали? – спросил Чен. – Если не возражаете поделиться.

Алекс помедлил. Он не хотел говорить о Дженнифер и Эмили. Это было слишком личным.

– Стандартные эффекты, – ответил он уклончиво. – Ощущение присутствия, визуальные искажения, неопределённые звуки. Ничего особенного.

Он видел, что ни Чен, ни медик не верят ему, но они не стали настаивать.

– Вам нужен отдых перед последней симуляцией, – сказал медик. – Я рекомендую как минимум час.

– Согласен, – кивнул Чен. – Комбинированный сценарий – самый сложный. Лучше подойти к нему со свежими силами.

Алекс не стал спорить. Он действительно чувствовал себя измотанным, больше психологически, чем физически.

Выйдя из симулятора, он увидел обеспокоенное лицо Елены.

– Что случилось там? – тихо спросила она, когда они отошли в сторону. – Ты выглядишь… потрясённым.

Алекс колебался. Елена была, пожалуй, единственным человеком на корабле, кому он мог доверять полностью. Но говорить о Дженнифер и Эмили было всё ещё сложно, даже спустя десять лет.

– Я слышал голоса, – наконец сказал он. – Видел… фигуры. Вполне стандартные галлюцинации для такого типа симуляции.

– Но не стандартные для тебя, – проницательно заметила она. – Что-то личное?

Алекс кивнул, не глядя ей в глаза.

– Моя жена. И дочь. Они… погибли десять лет назад, во время инцидента на "Гагарине-5".

Елена мягко коснулась его руки.

– Мне жаль, Алекс. Я не знала.

– Немногие знают, – он слабо улыбнулся. – Я не люблю об этом говорить.

– Понимаю, – кивнула она. – Но, может быть, тебе стоит отложить последнюю симуляцию до завтра? Ты уже прошёл через многое сегодня.

– И заставить всех ждать? – покачал головой Алекс. – Нет, лучше закончить сегодня. К тому же, – он понизил голос, – я хочу понять, насколько эти симуляции соответствуют описаниям Верховой. Есть кое-что странное…

– Что именно? – напряжённо спросила Елена.

– То, что я испытал в психологической симуляции… Оно слишком совпадает с тем, что описывала Верхова. Не просто случайные галлюцинации, а… направленные. Личные. Словно что-то или кто-то знает, что задеть.

Елена нахмурилась, обдумывая его слова.

– Ты думаешь, симуляторы как-то… настроены на тебя лично?

– Не знаю, – честно ответил Алекс. – Может быть, это просто совпадение. Или мой мозг сам создал эти образы, основываясь на подсознательных страхах. Но я хочу проверить ещё раз, на комбинированной симуляции.

– Будь осторожен, – тихо сказала Елена. – Если эти эффекты так сильны в симуляции, что будет, когда мы окажемся в настоящей "Мёртвой зоне"?

Алекс не ответил. Этот вопрос беспокоил его не меньше.

Час отдыха прошёл быстро. Алекс попытался вздремнуть в своей каюте, но сон не шёл. Вместо этого он перечитывал заметки Верховой, ища параллели между её описаниями и своими собственными ощущениями в симуляторах.

Сходство было тревожным. Верхова писала о "голосах, которые знают твои страхи", о "присутствии, которое следит за тобой", о "искажениях, которые словно подстраиваются под твоё восприятие". Всё это Алекс испытал в той или иной степени.

Но самым беспокоящим было упоминание о "центре". Верхова несколько раз писала о нём, называя "местом слияния", "точкой контакта". И голос, который Алекс слышал в симуляции, тоже говорил о "центре".

Когда пришло время для последней симуляции, Алекс был одновременно напряжён и решителен. Комбинированный сценарий проходил в большой камере, напоминающей помещение из научно-фантастического фильма. Здесь были соединены элементы всех предыдущих симуляторов, создавая единую, комплексную среду.

– Эта симуляция объединяет все эффекты "Мёртвой зоны", – объяснил Чен. – Отказ систем, пространственные искажения, временные аномалии и психологические эффекты. Ваша задача – пройти через серию препятствий и выполнить ряд задач, сохраняя при этом ясность мышления и точность действий.

– Звучит как вызов, – кивнул Алекс.

– Это и есть вызов, – серьёзно ответил Чен. – Никто ещё не прошёл эту симуляцию полностью, без прерывания.

Это заявление привлекло внимание всех присутствующих. Даже Северов, обычно сдержанный, проявил интерес, подойдя ближе к пульту управления симулятором.

– Я постараюсь изменить статистику, – сказал Алекс с уверенностью, которой не совсем чувствовал.

Войдя в камеру, он обнаружил, что она разделена на несколько секций, соединённых коридорами. Каждая секция, очевидно, представляла отдельный тип испытания.

Симуляция началась с отказа систем – в первой комнате находилась панель управления, имитирующая системы "Дедала", и Алексу нужно было стабилизировать их в условиях каскадного отказа. Он справился с этим относительно легко, используя опыт из первой симуляции.

Затем начались пространственные искажения. Коридор, ведущий ко второй комнате, начал изгибаться и искажаться, создавая иллюзию невозможной геометрии. Алекс использовал технику, которую разработал ранее – частично закрыл глаза, полагаясь больше на тактильные ощущения, чем на зрение.

В третьей комнате его ждали временные аномалии. Здесь нужно было синхронизировать несколько устройств, работающих в разных временных потоках. Алекс обнаружил, что может предсказывать изменения в скорости течения времени, словно интуитивно чувствуя их приближение.

И, наконец, последняя комната – психологические эффекты. Здесь ему предстояло собрать разрозненные части головоломки, игнорируя галлюцинации и отвлекающие факторы.

Именно в этой комнате всё стало по-настоящему странным. Галлюцинации были не просто случайными образами или звуками – они формировали связный нарратив. Алекс видел фрагменты сцен: исследовательскую станцию, похожую на "Прометей", странные кристаллические структуры, группу людей, выполняющих какой-то ритуал вокруг устройства, напоминающего "Иглу" Северова.

И снова голоса. На этот раз не только Дженнифер, но и другие – мужские, женские, говорящие на разных языках, некоторые даже не человеческие. Все они словно пытались сообщить ему что-то важное, что-то о "центре" и о "ключе".

Самое удивительное, что вместо того, чтобы дезориентировать, эти эффекты словно помогали Алексу. Образы, которые он видел, содержали подсказки к решению головоломки. Голоса направляли его, указывая на детали, которые он мог бы пропустить.

Когда Алекс завершил последнее задание, соединив все части головоломки в единое целое, он почувствовал странное ощущение завершённости, словно прошёл через важный ритуал инициации.

Свет в камере вернулся к нормальному уровню, и динамик объявил: "Симуляция завершена. Результат: 100% выполнение всех задач. Новый рекорд."

Когда Алекс вышел из камеры, его встретила тишина. Все присутствующие – Чен, Северов, Елена, другие члены научной группы – смотрели на него с выражениями, варьирующимися от недоверия до восхищения.

– Невероятно, – наконец произнёс Чен. – Вы не только прошли все задания, но сделали это с идеальным счётом. Как вам это удалось?

Алекс помедлил с ответом. Он не мог объяснить, что галлюцинации помогали ему, а не мешали. Что голоса направляли его. Это звучало бы безумно.

– Я просто… адаптировался, – сказал он. – Первые симуляции подготовили меня, так что в комбинированном сценарии я уже знал, чего ожидать.

Северов подошёл ближе, внимательно изучая его лицо.

– Вы уникальны, доктор Нагорный, – сказал он с непривычной теплотой в голосе. – Такая адаптивность к условиям "Мёртвой зоны" – именно то, что нам нужно для успеха миссии.

– Спасибо, генерал, – сдержанно ответил Алекс. – Но я думаю, что настоящая "Мёртвая зона" будет гораздо сложнее, чем любая симуляция.

– Несомненно, – согласился Северов. – Но ваша природная предрасположенность к адаптации… это ценный актив.

Что-то в тоне генерала заставило Алекса насторожиться. "Природная предрасположенность". Словно Северов ожидал этого результата. Словно это было частью какого-то плана.

После завершения всех симуляций Алекс был измотан, но при этом странно возбуждён. Его мозг работал на повышенных оборотах, обрабатывая всё, что он испытал, особенно те странные видения и голоса в последней симуляции.

Вернувшись в свою каюту, он обнаружил, что не может заснуть, несмотря на физическую усталость. Вместо этого он начал записывать всё, что помнил из симуляций, сравнивая свой опыт с заметками Верховой.

Сходство было слишком большим, чтобы быть совпадением. Либо симуляторы Чена были созданы на основе описаний Верховой (что было возможно, учитывая её участие в проекте до смерти), либо… либо "Мёртвая зона" действительно обладала некоей формой "разумности", которая проявлялась сходным образом даже в искусственной симуляции.

Оба варианта были тревожными, но второй – просто пугающим.

Сидя за столом, Алекс не заметил, как начал засыпать. Его голова опустилась на руки, и сознание поплыло, погружаясь в глубокий, наполненный образами сон.

Ему снился центр "Мёртвой зоны" – странное место, где реальность словно расслаивалась, создавая многомерные структуры невозможной геометрии. В самом сердце этих структур находилось нечто, что Алекс не мог описать словами – не объект, не существо, а скорее… принцип. Фундаментальный аспект реальности, проявившийся в форме, которую человеческий разум мог хотя бы частично воспринять.

И оно наблюдало за ним. Изучало. Пыталось понять.

Алекс проснулся резко, с бешено колотящимся сердцем. Часы показывали, что прошло всего полтора часа. Он чувствовал себя дезориентированным, словно его сознание побывало где-то далеко и ещё не полностью вернулось.

Пытаясь прийти в себя, он вспомнил сон. Или это было не совсем сном? Ощущение было слишком реальным, слишком… связным для обычного сновидения.

В дверь постучали, и Алекс вздрогнул от неожиданности.

– Да? – хрипло отозвался он.

– Это Елена, – послышался голос за дверью. – Можно войти?

Алекс поднялся, пытаясь привести себя в порядок, и открыл дверь. Елена выглядела обеспокоенной.

– Я просто хотела убедиться, что ты в порядке, – сказала она, входя в каюту. – После тех симуляций…

– Я в норме, – ответил Алекс, зная, что это не совсем правда. – Просто немного устал.

Елена внимательно посмотрела на него.

– Ты выглядишь так, будто увидел призрака. Что случилось?

Алекс помедлил, затем решил довериться ей.

– Я видел сон. Очень странный сон о "Мёртвой зоне". О её центре.

Он рассказал ей о своём видении, о невозможных структурах и о сущности, которая, казалось, наблюдала за ним.

– Это похоже на то, что описывала Верхова, – тихо сказала Елена, когда он закончил. – Она тоже говорила о странных снах после контакта с аномалией.

– Но я не контактировал с настоящей "Мёртвой зоной", – возразил Алекс. – Только с симуляцией.

– Может быть, симуляция более точна, чем мы думаем, – предположила Елена. – Или… – она замялась.

– Или что?

– Или ты каким-то образом уже связан с "Мёртвой зоной", – закончила она. – Через проект "Икар", через гибель твоей семьи. Возможно, эта связь проявляется сейчас, когда мы приближаемся к аномалии.

Алекс почувствовал холодок вдоль позвоночника. Мысль о том, что он уже "связан" с чем-то настолько непостижимым и потенциально опасным, была глубоко тревожной.

– Что ещё говорила Верхова? – спросил он. – В своих последних записях, перед… перед смертью?

Елена покачала головой.

– Я не имела доступа к её последним записям. Но ходили слухи, что она становилась всё более… отстранённой. Словно часть её уже не была здесь, с нами.

– Как будто часть её была в "Мёртвой зоне", – тихо сказал Алекс.

– Именно, – кивнула Елена. – Алекс, если ты действительно чувствуешь какую-то связь с аномалией… будь осторожен. Мы не знаем, что это такое на самом деле и как оно влияет на сознание.

– Я буду осторожен, – пообещал он. – Но если эта связь реальна, может быть, она поможет нам понять "Мёртвую зону" лучше. Найти способ остановить её расширение без использования "Иглы".

– Может быть, – неуверенно согласилась Елена. – Но не рискуй слишком сильно. Мы не можем потерять тебя.

Её забота тронула Алекса. В суровом мире научных экспедиций и военных миссий проявления личной привязанности были редкостью.

– Спасибо, – искренне сказал он. – За беспокойство и за то, что выслушала. Это помогает.

Елена слегка улыбнулась.

– Для этого и нужны друзья, не так ли? Особенно когда мы летим навстречу космической аномалии, которая может изменить наше понимание вселенной.

Несмотря на серьёзность ситуации, Алекс не смог сдержать ответной улыбки.

– Да, особенно тогда.

После ухода Елены Алекс снова попытался заснуть, но сон не шёл. Вместо этого он продолжил анализировать данные о "Мёртвой зоне", ища любые подсказки, которые могли бы помочь понять её истинную природу.

Одна мысль не давала ему покоя: что, если Верхова была права? Что, если "Мёртвая зона" действительно была своего рода "иммунным ответом" вселенной? И если так, то была ли у них вообще возможность остановить её расширение, не вызвав ещё более катастрофических последствий?

Алекс не знал ответов на эти вопросы. Но он был полон решимости найти их – для человечества, для себя и для Дженнифер и Эмили, чьи голоса, казалось, всё ещё звучали где-то на границе его сознания.

Глава 5: Отправление

Следующие дни на борту "Дедала" слились для Алекса в беспокойный калейдоскоп тренировок, брифингов и подготовки к встрече с "Мёртвой зоной". Каждый член экипажа прошёл через симуляции, хотя никто не смог повторить его результат в комбинированном сценарии. Это создавало вокруг Алекса ауру особого статуса, что было одновременно полезно и опасно – полезно, потому что увеличивало его влияние в команде, опасно, потому что привлекало повышенное внимание Северова.

Генерал теперь часто приглашал Алекса на свои планёрки, советовался с ним по вопросам подготовки, словно проверяя его реакцию. Алекс старался сохранять нейтральность, не выдавая своих подозрений и опасений относительно истинных целей миссии.

На седьмой день путешествия Алекс решил рискнуть и попытаться узнать больше о загадочном "устройстве нейтрализации". После своей смены в центре управления он направился в исследовательскую лабораторию, зная, что в это время там должна была работать Лиза Чанг, специалист по квантовой механике, которая, по данным Кейна, была частично допущена к разработке "Иглы".

Лиза была молодой женщиной с короткими чёрными волосами и острым, аналитическим умом. Она полностью погрузилась в калибровку какого-то сложного оптического прибора и даже не заметила появления Алекса, пока он не кашлянул, привлекая внимание.

– О, доктор Нагорный, – она выпрямилась, потирая глаза. – Чем могу помочь?

– Просто Алекс, пожалуйста, – улыбнулся он. – Я надеялся, что вы сможете объяснить мне некоторые аспекты квантовых эффектов, которые мы можем наблюдать в "Мёртвой зоне". Моя специализация – астрофизика, и квантовая механика не моя сильная сторона.

Это была полуправда. Алекс действительно не был специалистом в квантовой физике, но его интересовали не общие эффекты, а конкретно "Игла".

– Конечно, – кивнула Лиза, явно обрадованная возможностью поговорить о своей области экспертизы. – Что именно вас интересует?

– Я пытаюсь понять, как возникла "Мёртвая зона", – сказал Алекс, присаживаясь рядом с ней. – Насколько я понимаю, эксперимент на "Прометее" был связан с квантовыми туннелями и манипуляцией пространством-временем?

Лиза напряглась, но всё же кивнула.

– Да, они пытались создать стабильный квантовый туннель для мгновенной передачи информации и, теоретически, материи. Но что-то пошло не так.

– И теперь мы пытаемся использовать похожую технологию, чтобы нейтрализовать аномалию? – осторожно спросил Алекс. – "Игла", если я правильно понимаю…

Лиза резко подняла голову, в её глазах мелькнул испуг.

– Откуда вы знаете об "Игле"?

– Слухи, – пожал плечами Алекс. – На корабле сложно сохранить что-то в полной тайне. И потом, я бывший военный. Понимаю принцип разделения информации по уровням допуска.

Лиза колебалась, явно разрываясь между инструкциями о секретности и желанием обсудить научную проблему с коллегой.

– Я могу говорить только в общих чертах, – наконец сказала она. – "Игла" действительно основана на технологии "Прометея", но с важными модификациями. Вместо создания туннеля, она генерирует направленное поле, которое должно "схлопнуть" искажение пространства-времени, составляющее основу "Мёртвой зоны".

– И вы уверены, что это сработает? – Алекс старался, чтобы его голос звучал нейтрально, без скептицизма.

– Теоретически – да, – ответила Лиза. – На симуляциях результаты обнадёживающие. Но… – она замялась.

– Но?

– Есть определённые расхождения между теорией и наблюдаемыми свойствами "Мёртвой зоны", – тихо сказала она. – Аномалия ведёт себя не совсем так, как предсказывают наши модели. Она более… адаптивна.

– Адаптивна? – Алекс подался вперёд. – В каком смысле?

– Она реагирует на наши зонды не как пассивное искажение пространства, а скорее как… – Лиза искала подходящее слово, – как система с обратной связью. Каждое взаимодействие словно учит её чему-то новому.

Это полностью соответствовало теории Верховой об "иммунной системе" и адаптивной природе аномалии.

– И эта адаптивность не заставляет вас сомневаться в эффективности "Иглы"? – осторожно спросил Алекс.

Лиза нервно оглянулась, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь.

– Честно? Заставляет. Я высказывала свои опасения генералу Северову, но он… уверен в успехе. Он считает, что мы должны действовать решительно, пока "Мёртвая зона" не стала слишком большой.

– А вы не думали, что решительные действия могут спровоцировать ещё более сильную реакцию? – Алекс понимал, что рискует, говоря так открыто, но ему нужно было знать, насколько Лиза разделяет его опасения.

Она помедлила, затем ответила очень тихо:

– Думала. Именно этого я и боюсь. Но я лишь младший специалист в этом проекте. Мои опасения легко игнорируются.

– Понимаю, – кивнул Алекс. – Спасибо за откровенность. Я тоже обеспокоен возможными последствиями. Может быть, стоит продолжить исследования, прежде чем предпринимать активные меры?

– Я бы предпочла именно такой подход, – согласилась Лиза. – Но решение принимаю не я.

В этот момент дверь лаборатории открылась, и вошёл один из техников, работавших непосредственно с Северовым. Разговор естественным образом перешёл на нейтральные научные темы.

Покидая лабораторию полчаса спустя, Алекс чувствовал одновременно воодушевление и тревогу. С одной стороны, он нашёл ещё одного потенциального союзника в команде. С другой – полученная информация лишь подтверждала его опасения относительно "Иглы" и планов Северова.

Вечером того же дня Алекс встретился с Еленой и Кейном в редко используемом техническом отсеке, где риск быть подслушанными был минимален.

– Я поговорил с Лизой Чанг, – сообщил он. – Она подтвердила, что "Игла" основана на той же технологии, что и вызвала появление "Мёртвой зоны". И она тоже обеспокоена возможными последствиями.

– Ещё один голос разума, – кивнула Елена. – Но достаточно ли этого, чтобы убедить Северова?

– Сомневаюсь, – мрачно ответил Кейн. – Он получает приказы напрямую от Совета Безопасности. И, насколько я понял из перехваченных сообщений, там есть фракция, которая рассматривает "Мёртвую зону" не как угрозу, а как потенциальный актив.

– Актив? – переспросил Алекс. – В каком смысле?

– Представьте, что можно было бы контролировать создание таких зон, – пояснил Кейн. – Направлять их в определённые районы космоса. Это было бы абсолютное оружие – никакие

технологии не работают внутри, никакие щиты не защищают. И никаких радиоактивных осадков или других побочных эффектов, как при ядерном оружии.

– Это безумие, – покачала головой Елена. – Если теория Верховой верна, любая попытка использовать "Мёртвую зону" как оружие только усилит реакцию вселенной. Это всё равно что пытаться использовать иммунную реакцию организма для атаки на другой организм – неконтролируемо и непредсказуемо.

– Согласен, – кивнул Алекс. – Но как нам убедить в этом Северова и его начальство? У нас нет конкретных доказательств, только теории и предположения.

– Нам нужны данные, – решительно сказала Елена. – Реальные, неопровержимые данные о природе "Мёртвой зоны". И получить их мы сможем только когда достигнем её границы.

– А до тех пор? – спросил Кейн.

– До тех пор мы готовимся, – ответил Алекс. – Собираем союзников, изучаем "Иглу", ищем способы задержать её активацию, если понадобится.

– И наблюдаем за Северовым, – добавил Кейн. – Я постараюсь получить доступ к его коммуникациям с Землёй. Возможно, там мы найдём больше информации о реальных целях миссии.

На этом они разошлись, договорившись встретиться снова через два дня. Алекс направился в свою каюту, но на полпути изменил решение и пошёл в обсерваторию – небольшое помещение в верхней части корабля с прозрачным куполом, откуда открывался вид на космос.

В это время там никого не было. Алекс сел в кресло у самого купола и уставился на звёзды. Где-то там, впереди, ждала "Мёртвая зона" – феномен, который мог изменить судьбу человечества и который, возможно, уже изменил его собственную судьбу, забрав у него семью.

Он не заметил, как задремал, глядя на звёзды. И снова пришёл сон – тот же невозможный пейзаж в центре "Мёртвой зоны", те же странные структуры, то же ощущение, что за ним наблюдают. Но на этот раз было что-то ещё – образ, который он не мог чётко различить, но который казался важным, ключевым для понимания всей ситуации.

Алекс проснулся от звука открывающейся двери. В обсерваторию вошёл генерал Северов в сопровождении двух офицеров.

– Доктор Нагорный? – удивлённо произнёс генерал. – Не ожидал встретить вас здесь в такой час.

– Просто пришёл посмотреть на звёзды, – ответил Алекс, выпрямляясь в кресле. – Помогает думать.

Северов отослал офицеров жестом и сел в кресло рядом с Алексом.

– О чём думаете, доктор? – спросил он неожиданно дружелюбным тоном.

– О "Мёртвой зоне", – честно ответил Алекс. – О том, что она такое на самом деле. И о том, как лучше всего подойти к её исследованию.

– И к какому выводу пришли?

Алекс решил рискнуть и высказать часть своих мыслей, чтобы прощупать реакцию генерала.

– Я думаю, что мы не должны спешить с активными мерами, – осторожно сказал он. – Сначала нужно по-настоящему понять природу аномалии. Есть признаки, что она… реагирует на наши действия. Адаптируется. Если это так, то необдуманное вмешательство может только усугубить ситуацию.

Северов внимательно смотрел на него, не выказывая ни согласия, ни несогласия.

– Интересная точка зрения, – наконец сказал он. – И я даже могу с ней согласиться… до определённого момента. Проблема в том, доктор Нагорный, что у нас может не быть времени на длительные исследования. "Мёртвая зона" расширяется. Если мы не остановим её вовремя, последствия будут катастрофическими.

– Я понимаю риск, – кивнул Алекс. – Но также существует риск, что неправильное вмешательство только ускорит расширение. Мы имеем дело с чем-то, что нарушает известные законы физики. Стандартные подходы могут не сработать.

– А что вы предлагаете? – в голосе Северова появились нотки иронии. – Дипломатические переговоры с космической аномалией?

– Я предлагаю быть осторожными, – твёрдо ответил Алекс. – Собрать все возможные данные, прежде чем действовать. Особенно учитывая, что устройство, которое мы планируем использовать, основано на той же технологии, что и вызвала появление "Мёртвой зоны".

Северов резко выпрямился.

– Откуда вам известно об устройстве? Эта информация засекречена.

Алекс понял, что допустил ошибку, но отступать было поздно.

– На корабле ходят слухи, генерал. И потом, я знаю историю проекта "Прометей". Логично предположить, что решение проблемы будет связано с технологией, которая её создала.

Северов некоторое время изучал его лицо, затем слегка расслабился.

– Вы правы, доктор. "Игла" действительно основана на принципах, разработанных для проекта "Прометей". Но с важными модификациями. Она не создаёт новый туннель, а нейтрализует существующий.

– Теоретически, – добавил Алекс.

– Теория подкреплена обширными симуляциями и расчётами, – холодно ответил Северов. – Но я понимаю ваш скептицизм. И даже ценю его. Научный скептицизм – важная часть любого исследования.

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

– Не засиживайтесь допоздна, доктор. Завтра у нас тяжёлый день – начинаем серию тестов систем корабля в условиях, приближенных к "Мёртвой зоне".

Когда генерал ушёл, Алекс выдохнул с облегчением. Разговор был напряжённым, но, кажется, он не вызвал чрезмерных подозрений. Хотя Северов наверняка теперь будет внимательнее следить за ним.

Вернувшись в свою каюту, Алекс решил ещё раз просмотреть данные Верховой, особенно касающиеся её теории об "иммунной системе вселенной". Если она права, то что именно запускает эту "иммунную реакцию"? Просто нарушение структуры пространства-времени? Или что-то более специфическое?

Он открыл файл с теоретическими выкладками, но чтение прервал стук в дверь. На пороге стоял Кейн, его лицо было напряжённым.

– Нам нужно поговорить, – тихо сказал майор. – Прямо сейчас.

Алекс впустил его и закрыл дверь.

– Что случилось?

– Я подслушал разговор Северова с Землёй, – ответил Кейн, понизив голос до шёпота. – Он использовал закрытый канал, но мне удалось подключиться. Они говорили об "Игле" и… о вас.

– Обо мне? – напрягся Алекс.

– Да. Северов сообщил, что вы проявляете "необычные способности" в симуляциях "Мёртвой зоны". И что это может быть связано с вашим предыдущим "контактом" через проект "Икар".

– Контактом? – Алекс почувствовал, как холодеет внутри. – Что это значит?

– Не знаю, – покачал головой Кейн. – Но его собеседник на Земле проявил особый интерес. Он сказал, что ваша "восприимчивость" может быть ключом к управлению "Иглой".

– Управлению? Я думал, это автономное устройство.

– Я тоже так думал, – мрачно ответил Кейн. – Но, похоже, для полной функциональности ему требуется оператор. Человек с определёнными… качествами.

– И они думают, что я подхожу для этой роли? – Алекс покачал головой. – Почему?

– Возможно, из-за ваших результатов в симуляциях. Или из-за этого "предыдущего контакта", о котором говорил Северов. Что произошло во время инцидента с "Икаром", Алекс?

Алекс помедлил. Он никогда не рассказывал никому все детали катастрофы на "Гагарине-5", особенно о том странном феномене, который наблюдали выжившие в последние моменты перед потерей связи.

– Эксперимент вышел из-под контроля, – наконец сказал он. – Квантовый туннель, который они пытались создать, начал расширяться неконтролируемо. Последнее сообщение от Дженнифер – моей жены – было о том, что "свет замерзает". Что всё словно… останавливается.

– Звучит похоже на то, что происходит в "Мёртвой зоне", – заметил Кейн.

– Да, есть сходство. Но меня там не было. Я наблюдал катастрофу из центра управления. Если и был какой-то "контакт", я о нём не знаю.

– Может быть, это произошло неосознанно, – предположил Кейн. – Через вашу связь с женой и дочерью. Или через ваше участие в проекте.

Алекс не знал, что и думать. Идея о том, что он каким-то образом "связан" с "Мёртвой зоной", была одновременно пугающей и… интригующей. Если такая связь существует, возможно, он действительно мог помочь понять природу аномалии. Но также это могло означать, что Северов планирует использовать его каким-то образом, о котором он даже не подозревал.

– Что ещё они говорили? – спросил он.

– Северов сообщил, что активация "Иглы" запланирована сразу после того, как мы достигнем центра "Мёртвой зоны". Они не собираются тратить время на исследования. План состоит в том, чтобы проникнуть как можно глубже и нанести удар в самое сердце аномалии.

– Это безумие, – покачал головой Алекс. – Мы даже не знаем, что такое "центр". Или как "Игла" повлияет на него.

– Именно, – согласился Кейн. – Но приказы есть приказы. Северов не будет отклоняться от плана без прямых указаний сверху.

– Тогда нам нужно найти способ убедить его, что план слишком рискован, – решительно сказал Алекс. – Или, в крайнем случае, предотвратить активацию "Иглы", пока мы не получим больше данных.

– Это может быть расценено как саботаж, – предупредил Кейн. – С соответствующими последствиями.

– Альтернатива может быть хуже, – мрачно ответил Алекс. – Если теория Верховой верна, и "Мёртвая зона" действительно является "иммунной реакцией" вселенной, то попытка атаковать её может вызвать… усиление этой реакции. В глобальном масштабе.

Кейн некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

– Мне нужно подумать, – наконец сказал он. – Взвесить риски. Как офицер, я давал присягу выполнять приказы. Но также я поклялся защищать человечество. Если эти два обязательства вступают в конфликт…

– Понимаю, – кивнул Алекс. – Я не прошу вас нарушать присягу. Только помочь нам собрать достаточно данных, чтобы принять информированное решение, когда придёт время.

– Это я могу сделать, – согласился Кейн. – Продолжу мониторинг коммуникаций Северова. И попытаюсь узнать больше об "Игле" – её точные характеристики, механизм действия, требования к оператору.

– Спасибо, – искренне сказал Алекс. – И будьте осторожны. Северов не из тех, кто прощает неповиновение.

После ухода Кейна Алекс долго не мог заснуть. Мысли кружились вокруг того, что он узнал. Почему Северов считает, что он имеет какую-то особую "связь" с "Мёртвой зоной"? Что

на самом деле произошло во время катастрофы на "Гагарине-5"? И главное – что ждёт их в центре аномалии?

Сон пришёл лишь под утро, беспокойный и наполненный странными образами. Алекс снова видел центр "Мёртвой зоны", но теперь более отчётливо. Кристаллические структуры, плавающие в пустоте. Свет, который двигался неправильно, словно преломляясь через невидимые призмы. И в самом сердце этого хаоса – нечто, что он мог описать только как "интерфейс". Место, где человеческое сознание могло каким-то образом взаимодействовать с самой структурой реальности.

Проснувшись, Алекс чувствовал себя странно бодрым, несмотря на недостаток сна. Образы из сна остались с ним, яркие и детальные, словно воспоминания о реальном месте, а не фантазии подсознания.

Он записал всё, что помнил, в свой личный журнал, затем отправился на утренний брифинг. Сегодня начинались тесты систем корабля в условиях, приближенных к тем, что ожидались на периферии "Мёртвой зоны".

Брифинг проходил в центре управления. Коммандер Листер объяснял процедуру:

– Мы создадим локализованное электромагнитное поле особой конфигурации, которое, по данным наших наблюдений, частично имитирует эффекты периферии "Мёртвой зоны". Это позволит проверить, как механические системы корабля реагируют на подобные условия.

– Насколько точной будет имитация? – спросил один из инженеров.

– Примерно 30% от предполагаемой интенсивности реальных эффектов, – ответил Листер. – Мы не можем воспроизвести полную картину без риска для корабля, но даже этого должно быть достаточно для базовой проверки.

– А что с "Архимедом"? – поинтересовался Алекс. – Аналоговый компьютер тоже будет протестирован?

– Обязательно, – кивнул Листер. – Фактически, наблюдение за его работой в этих условиях – один из ключевых аспектов теста.

После брифинга команда разошлась по своим постам. Алекс занял место в кресле пилота, готовясь контролировать системы навигации во время теста. Рядом с ним Мария Родригес следила за двигателями, а Томас Хардинг – за общей стабильностью корабля.

– Начинаем генерацию поля через 30 секунд, – объявил Листер. – Всем приготовиться к возможным сбоям в работе систем.

Алекс положил руки на механические рычаги управления, чувствуя их тяжесть и инерцию. Странное ощущение – управлять космическим кораблём 22 века с помощью технологий, которые были бы понятны пилотам времён первых полётов в космос.

– Генерация поля начата, – доложил техник с пульта управления.

Первые несколько минут ничего заметного не происходило. Затем Алекс начал замечать тонкие изменения. Механические индикаторы на панели управления слегка подрагивали, даже когда не должны были двигаться. Гидравлические системы реагировали с небольшой задержкой. Ничего критического, но определённо необычного.

– Странно, – пробормотала Родригес. – Регуляторы тяги словно имеют дополнительное сопротивление. Как будто что-то… мешает им двигаться.

– То же с навигационными системами, – кивнул Алекс. – Есть небольшая инерция, которой не должно быть.

– "Архимед" тоже показывает аномалии, – доложил техник, отвечающий за компьютер. – Некоторые механические вычислители работают медленнее, чем обычно.

Листер внимательно наблюдал за происходящим.

– Увеличьте интенсивность поля на 10%, – приказал он. – Посмотрим, как системы отреагируют на усиление эффекта.

С увеличением интенсивности аномалии стали более выраженными. Теперь уже все механические системы работали с заметной задержкой. Некоторые индикаторы начали показывать ошибочные данные.

– Интересно, – сказал Алекс, наблюдая за своими приборами. – Похоже, что поле влияет не только на электронику, но и на саму механику движения. Как если бы базовые физические константы слегка изменились.

– Именно это и происходит в "Мёртвой зоне", согласно нашим данным, – кивнул Листер. – Локальное изменение фундаментальных констант. В периферийных областях это едва заметно, но чем ближе к центру, тем сильнее эффект.

Тест продолжался около часа. Инженеры и техники тщательно документировали все аномалии, настраивали системы для компенсации эффектов, проверяли пределы работоспособности оборудования.

Когда поле наконец отключили, Алекс почувствовал странное облегчение. Словно невидимое давление, которое он даже не осознавал, внезапно исчезло.

– Все системы возвращаются к нормальным параметрам, – доложил Хардинг. – Никаких постоянных повреждений не обнаружено.

– Отлично, – кивнул Листер. – Результаты теста обнадёживают. Механические системы "Дедала" способны функционировать даже при значительных искажениях физических параметров. Конечно, реальные условия в "Мёртвой зоне" будут гораздо более экстремальными, но базовая концепция корабля доказала свою состоятельность.

После теста Алекс отправился в исследовательскую лабораторию, где Елена и другие учёные анализировали полученные данные.

– Что думаешь? – спросил он, подходя к её рабочему месту.

– Завораживает, – ответила она, не отрываясь от экрана. – Даже в этой слабой имитации видны фундаментальные изменения в базовых взаимодействиях. Представь, что происходит в центре "Мёртвой зоны", где эффекты в десятки раз сильнее.

– Пытаюсь представить, – кивнул Алекс. – И чем больше думаю об этом, тем больше сомневаюсь, что "Игла" сможет "нейтрализовать" такой феномен. Это всё равно что пытаться остановить ураган с помощью вентилятора.

– Согласна, – тихо сказала Елена. – Но как убедить в этом Северова?

– Не знаю, – честно ответил Алекс. – Пока что наш план остаётся прежним – собрать как можно больше данных, когда достигнем "Мёртвой зоны", и надеяться, что они будут достаточно убедительными.

Елена внимательно посмотрела на него.

– Ты выглядишь уставшим. Опять плохо спал?

– Скорее, странно спал, – Алекс слабо улыбнулся. – Те же сны о центре "Мёртвой зоны". Всё более детальные и… реалистичные.

– Ты записываешь их?

– Да, во всех подробностях. Не знаю, имеют ли они какое-то значение, но на всякий случай…

– Правильно делаешь, – кивнула Елена. – В такой ситуации любая информация может оказаться важной. Особенно учитывая твою необычную… восприимчивость к эффектам аномалии.

Алекс хотел спросить, знает ли она о разговоре Северова с Землёй, о его предполагаемой "связи" с "Мёртвой зоной", но в этот момент в лабораторию вошёл сам генерал.

– Доктор Нагорный, доктор Сорокина, – кивнул он. – Как продвигается анализ?

– Данные интересные, – ответила Елена. – Даже при низкой интенсивности поля мы наблюдаем значительные изменения в фундаментальных взаимодействиях. Это подтверждает

теорию о том, что "Мёртвая зона" представляет собой область локально изменённых физических констант.

– И какие выводы вы делаете? – спросил Северов, внимательно глядя на неё.

– Пока предварительные, – осторожно ответила Елена. – Но если экстраполировать эти данные, можно предположить, что в центре "Мёртвой зоны" физические законы, как мы их знаем, могут не работать вообще. Это делает любые предсказания крайне ненадёжными.

– Включая предсказания о воздействии "Иглы"? – прямо спросил Алекс.

Северов перевёл взгляд на него, его глаза сузились.

– "Игла" спроектирована с учётом этих факторов, доктор Нагорный. Она создаёт собственное стабилизирующее поле, которое должно компенсировать искажения.

– Теоретически, – не удержался Алекс.

– Теория подкреплена расчётами и симуляциями, – холодно ответил Северов. – Но я ценю ваш скептицизм. Он заставляет нас быть более тщательными в подготовке.

Он повернулся, собираясь уходить, но затем остановился.

– Кстати, доктор Нагорный. Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при тестировании "Иглы" завтра. Ваш опыт может быть полезен.

– Тестирование? – удивился Алекс. – Я думал, устройство активируется только когда мы достигнем центра "Мёртвой зоны".

– Полная активация – да, – кивнул Северов. – Но базовые системы нужно проверить заранее. Жду вас в лаборатории D в 09:00.

Когда генерал ушёл, Алекс и Елена обменялись озабоченными взглядами.

– Это неожиданно, – тихо сказала она. – Зачем ему нужно твоё присутствие при тестировании?

– Не знаю, – Алекс нахмурился. – Но, возможно, это шанс узнать больше об устройстве. Понять, как оно работает и… можно ли предотвратить его активацию, если понадобится.

– Будь осторожен, – предупредила Елена. – Северов не дурак. Он может проверять твою реакцию, твою лояльность.

– Знаю, – кивнул Алекс. – Я буду вести себя как заинтересованный, но нейтральный наблюдатель.

Остаток дня прошёл в анализе данных и подготовке к следующему этапу тестирования систем корабля. Вечером Алекс встретился с Кейном, чтобы сообщить о приглашении Северова.

– Это подтверждает мои подозрения, – мрачно сказал майор. – Они действительно планируют использовать вас каким-то образом в связи с "Иглой".

– Но как именно? – спросил Алекс. – Я не специалист по квантовой физике или инженерии. Чем я могу быть полезен при активации устройства?

– Возможно, дело не в ваших профессиональных навыках, а в этой предполагаемой "связи" с "Мёртвой зоной", – предположил Кейн. – Если такая связь существует, они могут планировать использовать её как… мост. Способ направить воздействие "Иглы" более точно.

– Как прицел для оружия, – мрачно подытожил Алекс.

– Что-то в этом роде, – кивнул Кейн. – Будьте предельно внимательны завтра. Замечайте всё – расположение устройства, его компоненты, процедуры активации. Любая информация может оказаться критически важной.

– Понял, – ответил Алекс. – А вы продолжайте мониторинг коммуникаций. Если Северов будет докладывать о результатах теста, это может дать нам дополнительные сведения о его планах.

Вернувшись в свою каюту, Алекс попытался подготовиться к завтрашней встрече, изучая всё, что знал о технологии "Прометея" и возможных принципах работы "Иглы". Но информации было слишком мало, слишком много пробелов.

Он снова взялся за записи Верховой, надеясь найти какую-то подсказку. И действительно, в одном из последних файлов она упоминала странный феномен, наблюдавшийся на "Прометее" незадолго до катастрофы – "резонанс сознания".

"Квантовый туннель, который мы создали, странным образом реагировал на ментальные состояния наблюдателей," – писала Верхова. "Субъективные ожидания экспериментаторов, казалось, влияли на стабильность и конфигурацию туннеля. Это напоминает хорошо известный в квантовой механике эффект наблюдателя, но в макроскопическом масштабе, что противоречит всем принятым теориям."

Это могло объяснить интерес Северова к его "восприимчивости". Если "Игла" работала на тех же принципах, что и оборудование "Прометея", возможно, для её эффективной работы требовался оператор с определёнными ментальными характеристиками. Оператор, способный каким-то образом "настроиться" на "Мёртвую зону".

Мысль была тревожной. Если это правда, то Северов планировал использовать его не просто как наблюдателя или консультанта, а как ключевой компонент операции. Компонент, без которого "Игла" могла не сработать.

Это открывало как риски, так и возможности. С одной стороны, Алекс оказывался в центре операции, которую считал потенциально катастрофической. С другой – если его роль действительно была так важна, это давало ему определённый рычаг влияния, возможность воздействовать на ситуацию.

Погружённый в эти размышления, Алекс не сразу заметил, что в каюте стало холодно. Аномально холодно. Его дыхание превращалось в пар.

Он резко поднял голову и замер. В углу каюты клубился странный туман, словно конденсат, но движущийся неестественно, против потоков воздуха. И в этом тумане проступали очертания… фигуры.

Маленькой фигуры, ростом с ребёнка.

– Эмили? – прошептал Алекс, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

Фигура не ответила, но туман сгустился, формируя более чёткий силуэт. Теперь Алекс мог различить голову, плечи, руки. Не совсем человеческие – слишком текучие, неопределённые, но безусловно гуманоидные.

Алекс медленно встал, не отрывая взгляда от фигуры.

– Кто ты? – спросил он, пытаясь сохранять спокойствие. – Что ты такое?

Фигура сделала движение, которое можно было интерпретировать как поднятие руки. Указывающий жест. И хотя у неё не было лица, Алекс каким-то образом понял, что она смотрит прямо на него.

В его голове возник образ – кристаллическая структура в центре "Мёртвой зоны", та самая, что он видел во снах. Но теперь он видел её яснее, детальнее. И понимал, что это не просто странная формация, а нечто вроде… интерфейса. Места, где можно взаимодействовать с самой тканью реальности.

Образ сменился другим – "Игла", активированная в центре "Мёртвой зоны", создающая катастрофическое искажение, которое распространяется далеко за пределы аномалии, затрагивая обитаемые миры.

И затем третий образ – он сам, стоящий между "Иглой" и кристаллической структурой, делающий выбор. Выбор, от которого зависело очень многое.

Видения прекратились так же внезапно, как начались. Туманная фигура начала рассеиваться, теряя форму.

– Подожди! – воскликнул Алекс. – Что ты хочешь от меня? Что я должен сделать?

Но было поздно. Фигура исчезла, температура в каюте начала возвращаться к норме. Только небольшое облачко конденсата у вентиляционной решётки напоминало о странном визите.

Алекс опустился в кресло, дрожащими руками протирая лицо. Это не было сном или галлюцинацией – он был полностью бодр и осознан. Но это и не могло быть реальностью, по крайней мере, в обычном понимании этого слова.

Что тогда? Проявление его связи с "Мёртвой зоной"? Послание от чего-то или кого-то, пытающегося коммуницировать через эту связь?

Он понимал, что должен рассказать об этом Елене и Кейну. Но также он знал, что должен быть осторожен. Если Северов узнает о таких "контактах", это только усилит его интерес к возможностям использования Алекса в связи с "Иглой".

В одном Алекс был уверен – предстоящее тестирование устройства было гораздо более важным, чем он думал изначально. И от того, что он узнает завтра, может зависеть судьба не только экспедиции, но и, возможно, всего человечества.

С этой тяжёлой мыслью он наконец лёг спать, зная, что завтрашний день станет поворотным пунктом в их миссии.

Утро наступило слишком быстро. Алекс проснулся с ощущением, что почти не отдохнул, хотя проспал положенные восемь часов. Сны снова были наполнены образами "Мёртвой зоны", но теперь к ним добавились видения о туманной фигуре и её безмолвном послании.

После быстрого завтрака он направился к лаборатории D, расположенной в задней части исследовательского отсека. Эта секция корабля обычно была закрыта для большинства членов экипажа, доступ имели только сам Северов, несколько специально допущенных учёных и охрана.

У входа в лабораторию Алекса встретили два офицера службы безопасности, которые провели сканирование и проверку идентификации, прежде чем позволить ему войти.

Внутри лаборатория оказалась просторным помещением, заполненным странной смесью ультрасовременного и архаичного оборудования. В центре располагалась массивная конструкция, напоминающая большую иглу или копье, установленную вертикально на сложной платформе. Вокруг неё двигались техники, проводя последние настройки.

Генерал Северов стоял у пульта управления, разговаривая с женщиной в белом лабораторном халате – доктором Эвелин Райс, главным инженером проекта "Игла", как вскоре узнал Алекс.

– А, доктор Нагорный, – Северов заметил его и сделал приглашающий жест. – Подойдите. Доктор Райс как раз объясняет принцип работы устройства.

Алекс приблизился к пульту, внимательно изучая "Иглу". Устройство было высотой около трёх метров, сужающееся к верхнему концу. Его поверхность казалась матово-чёрной, поглощающей свет, но при определённом угле зрения на ней можно было заметить странные узоры, словно выгравированные в металле.

– Впечатляет, не правда ли? – спросила Райс, заметив его интерес. – Сплав с добавлением экзотических материалов, созданных специально для этого проекта. Способен выдерживать экстремальные искажения пространства-времени.

– Как именно оно работает? – спросил Алекс, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, с профессиональным любопытством.

– В упрощённом виде, "Игла" создаёт направленное квантовое поле, которое противодействует искажениям, порождаемым "Мёртвой зоной", – объяснила Райс. – Оно словно "прокалывает" аномалию в её центре, создавая точку стабильности, которая затем расширяется, нейтрализуя эффекты искажения.

– Звучит логично, – кивнул Алекс. – Но как вы определяете "центр" аномалии? И как направляете воздействие с такой точностью?

Райс бросила быстрый взгляд на Северова, словно спрашивая разрешения ответить. Генерал слегка кивнул.

– Это самая сложная часть, – сказала она. – "Мёртвая зона" не имеет чётко определённого физического центра в обычном понимании. Её "центр" – это скорее точка максимального искажения пространственно-временного континуума. Для точного нацеливания нам нужен… интерфейс.

– Интерфейс? – Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок. То же слово, которое возникло в его сознании во время странного "визита" прошлой ночью.

– Человеческое сознание, настроенное на определённые параметры "Мёртвой зоны", – пояснила Райс. – Эксперименты показали, что некоторые люди обладают повышенной чувствительностью к искажениям, создаваемым аномалией. Они могут служить своего рода "прицелом" для "Иглы".

– И вы думаете, что я обладаю такой чувствительностью, – прямо сказал Алекс, глядя на Северова.

– Ваши результаты в симуляциях говорят сами за себя, – ответил генерал. – Вы адаптируетесь к эффектам "Мёртвой зоны" лучше, чем кто-либо из известных нам людей. Это может быть ключом к успеху операции.

– Понимаю, – медленно кивнул Алекс. – И сегодняшний тест…

– Проверка базовой совместимости, – завершила Райс. – Мы активируем "Иглу" на минимальной мощности и попросим вас взаимодействовать с ней через специальный интерфейс. Это абсолютно безопасно, – поспешно добавила она, заметив выражение лица Алекса. – Устройство экранировано и не создаст никаких реальных искажений.

– Я готов, – сказал Алекс, хотя внутренне был далеко не так уверен. Это был риск, но также и возможность узнать больше об устройстве, возможно, найти его слабые места.

– Отлично, – Северов выглядел довольным. – Доктор Райс, начинайте подготовку.

Следующие полчаса Алекс наблюдал, как команда техников готовит "Иглу" к активации. Они проверяли системы, калибровали датчики, устанавливали параметры. Сама "Игла", казалось, оставалась неизменной, но оборудование вокруг неё оживало, мигая индикаторами и издавая тихое гудение.

Наконец Райс подвела Алекса к странному креслу, установленному перед пультом управления, лицом к "Игле".

– Это интерфейс оператора, – объяснила она. – Через него вы будете взаимодействовать с устройством. Пожалуйста, сядьте и расслабьтесь.

Алекс сел в кресло, которое оказалось удивительно удобным, словно подстраивающимся под его тело. По бокам располагались подлокотники с углублениями для рук, а перед ним находилась панель с несколькими простыми элементами управления.

– Положите руки на подлокотники, – инструктировала Райс. – Датчики будут считывать ваши биометрические показатели. Перед вами три индикатора – они покажут уровень синхронизации с устройством.

Алекс выполнил указания. Как только его руки легли в углубления, он почувствовал лёгкое покалывание, словно слабый электрический ток проходил через кожу.

– Начинаем активацию, – объявила Райс. – Минимальная мощность, только базовые функции.

Техники у пульта выполнили серию команд. "Игла" словно ожила – по её поверхности пробежала рябь, как по воде, и матово-чёрный цвет сменился глубоким, пульсирующим синим.

Алекс почувствовал странное ощущение – словно что-то коснулось его сознания, лёгкое прикосновение, подобное дуновению ветра. Три индикатора на панели перед ним начали светиться: первый загорелся ярко-зелёным, второй – янтарным, третий оставался тусклым.

– Базовая синхронизация установлена, – прокомментировала Райс, глядя на показания своих приборов. – Уровень 37%, что значительно выше среднего для первого контакта.

– Что я должен делать? – спросил Алекс, чувствуя, как странное ощущение усиливается.

– Просто сосредоточьтесь на устройстве, – ответила Райс. – Представьте, что вы направляете его, как бы указываете цель.

Алекс сконцентрировался на "Игле", пытаясь визуализировать направление её действия. К его удивлению, третий индикатор начал светиться, постепенно переходя от тусклого красного к яркому оранжевому.

– Невероятно, – пробормотала Райс. – Уровень синхронизации растёт гораздо быстрее, чем мы предполагали. Уже 58%.

Северов наблюдал за процессом с нескрываемым удовлетворением.

– Я же говорил, что он идеальный кандидат, – сказал он тихо, но достаточно громко, чтобы Алекс услышал.

Внезапно Алекс почувствовал что-то странное – словно его сознание раздвоилось. Часть его оставалась здесь, в лаборатории, контролируя процесс. Но другая часть словно перенеслась куда-то далеко, в пустоту космоса, где пульсировала "Мёртвая зона".

И он видел её – огромную сферу искажённого пространства, переливающуюся невозможными цветами. А в её центре – кристаллическую структуру, ту самую, что являлась ему во снах.

И структура словно заметила его, повернулась к нему своим невидимым "вниманием". Алекс почувствовал контакт – не физический, не ментальный в обычном понимании, а нечто совершенно иное. Словно две разные парадигмы реальности соприкоснулись в одной точке.

Внезапно все три индикатора на панели вспыхнули ярко-красным, и приборы в лаборатории начали выдавать предупреждающие сигналы.

– Что происходит? – резко спросил Северов.

– Не знаю, – Райс лихорадочно проверяла показания. – Какое-то внешнее вмешательство. Словно что-то отвечает на сигнал "Иглы".

– Отключайте! – приказал Северов. – Немедленно!

Техники бросились выполнять команду, но прежде чем они успели что-либо сделать, "Игла" сама начала деактивироваться. Синее свечение померкло, поверхность снова стала матово-чёрной.

Алекс почувствовал, как разделение сознания исчезает, и он снова полностью присутствует в лаборатории. Но ощущение контакта с чем-то чуждым и огромным осталось, словно отпечаток на его сознании.

– Вы в порядке, доктор Нагорный? – спросила Райс, подходя к нему.

– Да, – ответил Алекс, хотя на самом деле чувствовал себя странно отстранённым, словно часть его всё ещё была где-то далеко. – Что произошло?

– Мы анализируем данные, – сказала Райс, бросив быстрый взгляд на Северова. – Похоже, что синхронизация прошла слишком быстро и интенсивно, что вызвало автоматическое отключение систем безопасности.

Северов подошёл ближе, его лицо выражало смесь беспокойства и интереса.

– Что вы чувствовали, доктор? – спросил он напрямую. – Что видели?

Алекс решил быть осторожным. Рассказать о своём видении "Мёртвой зоны" и контакте с кристаллической структурой означало бы подтвердить свою особую "связь" с аномалией, что только укрепило бы решимость Северова использовать его в качестве оператора "Иглы".

– Трудно описать, – уклончиво ответил он. – Странное ощущение расширения сознания. Образы космоса, пустоты. Ничего конкретного.

Северов внимательно изучал его лицо, явно не полностью удовлетворённый ответом.

– Интересно, – наконец сказал он. – Даже при минимальной активации вы достигли впечатляющего уровня синхронизации. Это подтверждает нашу теорию о вашей особой восприимчивости.

– Что дальше? – спросил Алекс, стараясь, чтобы его голос звучал нейтрально.

– Анализ данных, корректировка параметров, – ответил Северов. – Второй тест мы проведём через два дня. А пока отдохните, доктор Нагорный. Такое взаимодействие может быть утомительным для сознания.

Покидая лабораторию, Алекс чувствовал на себе внимательный взгляд генерала. Северов явно подозревал, что он не рассказал всего. И он был прав.

То, что испытал Алекс, было гораздо более значительным, чем он признал. Контакт с "Мёртвой зоной" был реальным, интенсивным и… взаимным. Он не просто наблюдал аномалию – она тоже каким-то образом "видела" его.

И это означало, что "Игла" действительно могла использовать его как мост, как канал для воздействия на "Мёртвую зону". Но также это означало, что аномалия уже знала о их планах, о устройстве. И, возможно, готовилась ответить.

Алекс должен был срочно поговорить с Еленой и Кейном. Ситуация становилась всё более опасной и непредсказуемой.

По пути к своей каюте он внезапно почувствовал слабость и головокружение. Прислонившись к стене, чтобы не упасть, он закрыл глаза и увидел вспышку – образ кристаллической структуры, пульсирующей, словно живое сердце. И почувствовал… предупреждение. Не угрозу, но определённо предостережение.

Сообщение было ясным, хоть и беззвучным: "Не используйте Иглу".

Когда головокружение прошло, Алекс был уверен в одном – он не станет инструментом для активации устройства, которое могло спровоцировать катастрофу галактического масштаба. Даже если для этого придётся пойти против прямых приказов Северова.

Вопрос был в том, как именно противостоять мощи военной машины, стоящей за генералом. И времени на поиск ответа оставалось всё меньше.

D
A
ED
PDUONU

Часть II: Погружение

Глава 6: Граница

Две недели спустя "Дедал" приближался к периферии "Мёртвой зоны". Последние дни были наполнены интенсивной подготовкой, тренировками и тестами. После первого, неоднозначного опыта взаимодействия с "Иглой" Алекс ожидал, что Северов будет настаивать на продолжении экспериментов, но, к его удивлению, второй тест был отложен, а затем и вовсе отменён без объяснения причин.

Это давало повод для беспокойства. Либо первый тест дал генералу всю необходимую информацию, либо он решил отложить дальнейшие эксперименты до достижения "Мёртвой зоны", где эффекты могли быть более выраженными.

Алекс использовал это время для укрепления своей сети союзников. Кроме Елены и Кейна, к их неформальной группе теперь присоединились Лиза Чанг, разделявшая опасения относительно "Иглы", и Джеймс Чен, который, будучи главным инженером корабля, обеспечивал доступ к техническим системам и возможность контролировать некоторые аспекты функционирования "Дедала".

– Мы приближаемся к расчётной границе "Мёртвой зоны", – объявил коммандер Листер через корабельную систему оповещения. – Всему экипажу занять позиции согласно протоколу "Первый контакт".

Алекс, находившийся в этот момент в исследовательской лаборатории с Еленой, обменялся с ней быстрым взглядом. Момент, к которому они готовились недели, наконец наступил.

– Готов? – тихо спросила она.

– Насколько это возможно, – ответил он с лёгкой улыбкой. – Хотя не уверен, что к этому вообще можно подготовиться.

Они направились в центр управления, где уже собирались ключевые члены экипажа. Атмосфера была напряжённой, но дисциплинированной. Каждый знал свою роль и задачи.

Алекс занял место в кресле пилота. Мария Родригес была рядом, на позиции инженера двигателей, а Томас Хардинг контролировал навигационные системы. Коммандер Листер занимал капитанское кресло, а генерал Северов наблюдал с командной платформы.

На главном дисплее – одном из немногих электронных устройств, которые планировалось отключить при входе в "Мёртвую зону" – отображалась трёхмерная карта окружающего пространства. "Мёртвая зона" была представлена как сфера странного, переливающегося цвета, словно система не могла определить, как именно визуализировать этот феномен.

– Расстояние до границы аномалии – 500 000 километров, – доложил Хардинг. – Примерное время контакта при текущей скорости – 47 минут.

– Приготовиться к переходу на механические системы, – приказал Листер. – Проверить все резервные контуры. Научной группе начать сбор предварительных данных.

Алекс активировал механические дублёры для систем навигации и управления. Эти устройства, напоминающие сложную смесь часового механизма и гидравлических систем, должны были заменить электронику, когда та откажет внутри "Мёртвой зоны".

Елена и другие учёные активировали пассивные сенсоры – оптические, гравитационные, инфракрасные – все работающие без электроники, на чисто механических или химических принципах.

– Обнаружены первые аномалии в электромагнитном спектре, – доложила Лиза Чанг, изучая показания приборов. – Искажение радиоволн, нарушение поляризации света. Это соответствует предсказанным эффектам периферии "Мёртвой зоны".

– Дальние радары начинают давать сбои, – добавил офицер связи. – Сигнал искажается, теряет когерентность.

– Приготовиться к отключению всех некритических электронных систем, – приказал Листер. – Перевести корабль в режим механического управления по моей команде.

Алекс чувствовал нарастающее напряжение – не только среди экипажа, но и внутри себя. С каждой минутой приближения к "Мёртвой зоне" он всё отчётливее ощущал странное давление, словно что-то пыталось проникнуть в его сознание. Не агрессивно, скорее… исследовательски. Как будто невидимый разум изучал его.

– Расстояние до границы – 300 000 километров, – доложил Хардинг. – Расчётное время контакта – 28 минут.

– Что-то не так с границей, – внезапно сказала Елена, изучая показания оптических сенсоров. – Она… меняется. Форма больше не сферическая.

– Подтверждаю, – кивнула Лиза. – Наблюдаются выступы, протуберанцы. Словно… щупальца, тянущиеся в нашем направлении.

Северов подошёл ближе к их станции, его лицо выражало напряжённый интерес.

– Насколько велики эти протуберанцы? – спросил он.

– Самый большой – около 50 000 километров в длину, – ответила Елена. – И он растёт, направляясь прямо к нам.

– Скорость роста? – напряжённо спросил Листер.

– Приблизительно 5 000 километров в час, – ответила Лиза после быстрых расчётов. – Если сохранит текущую скорость, достигнет нас примерно через… 5 часов.

– А если мы продолжим приближаться с нашей скоростью? – уточнил Северов.

– Тогда контакт произойдёт через 15-20 минут, – ответила Елена. – Значительно раньше, чем мы планировали.

Листер обернулся к Северову.

– Генерал, рекомендую временно снизить скорость. Дать научной группе время изучить это явление, прежде чем мы войдём в контакт.

Северов колебался. Было видно, что часть его хочет продолжать движение, следуя изначальному плану. Но здравый смысл победил.

– Согласен, коммандер. Снизить скорость до минимальной. Поддерживать безопасную дистанцию от протуберанца.

– Есть, сэр, – Листер отдал необходимые приказы, и "Дедал" начал торможение.

Алекс осторожно регулировал механические системы, компенсируя изменение траектории. Это было сложнее, чем с электронным управлением – механика реагировала медленнее, менее точно. Но он справлялся, годы тренировок на симуляторах не прошли даром.

– Протуберанец продолжает расти, – доложила Елена через несколько минут. – И он определённо направлен к нам. Словно… ищет нас.

– Или реагирует на наше присутствие, – тихо добавил Алекс.

– Что вы имеете в виду, доктор Нагорный? – резко спросил Северов.

– Просто наблюдение, генерал, – ответил Алекс. – Форма и направление протуберанца слишком точно соответствуют нашему положению. Это не может быть совпадением.

– Вы предполагаете, что "Мёртвая зона" каким-то образом осознаёт наше присутствие? – в голосе Северова звучал скептицизм, но также и напряжённый интерес.

– Я предполагаю, что она реагирует на нас, – осторожно ответил Алекс. – Необязательно осознанно. Это может быть автоматическая реакция на определённый тип излучения или энергии, которую мы генерируем.

– Интересная теория, – кивнул Северов. – Доктор Сорокина, ваше мнение?

Елена ответила, не отрываясь от приборов:

– Данные подтверждают реактивное поведение. Протуберанец изменяет форму и направление в ответ на наши манёвры. Словно… отслеживает нас.

– Удивительно, – пробормотал Листер. – Никогда не видел ничего подобного.

Следующие несколько часов команда наблюдала за развитием ситуации, осторожно маневрируя, чтобы поддерживать безопасную дистанцию от растущего протуберанца. Но становилось всё очевиднее, что избежать контакта не удастся – выступ "Мёртвой зоны" целенаправленно двигался к "Дедалу", словно управляемая рука, тянущаяся к незваному гостю.

– Он ускоряется, – внезапно сказала Лиза. – Текущая скорость роста – 7 000 километров в час и продолжает увеличиваться.

– Расчётное время до контакта? – напряжённо спросил Листер.

– При нынешней скорости – менее 40 минут, – ответила Елена. – И если ускорение продолжится, возможно, даже меньше.

– У нас нет выбора, – решительно сказал Северов. – Мы не можем бесконечно уклоняться. Приготовиться к контакту. Отключить все электронные системы. Перейти полностью на механическое управление.

– Есть, сэр, – Листер активировал общекорабельное оповещение. – Внимание всему экипажу. Подготовиться к контакту с аномалией. Повторяю, подготовиться к контакту. Всем отсекам выполнить протокол "Иммерсия".

По всему кораблю техники и офицеры начали методично отключать электронные системы, переводя управление на механические и гидравлические дублёры. Экраны мигнули и погасли, заменённые простыми оптическими проекторами. Приглушённый гул электричества сменился более громким шипением и щелчками механизмов.

Алекс полностью перешёл на ручное управление, чувствуя, как корабль отзывается на его действия – медленнее, грубее, но надёжно. Рядом с ним Родригес контролировала двигатели через систему механических индикаторов и рычагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.